

Миниатюры

Письма

Желто-красные кленовые листья шуршали под ногами быстро идущей женщины средних лет. Бесцеремонно подбрасывая длинным чёрным зонтом сухие ветви, она расчищала тропу к старому дому.

— Боже мой, как давно это было. Ты выстоял. — прошептала, глубоко вздохнувшая от нахлынувших мыслей, хозяйка.

— Сейчас. Где же он. Вот. — достав из потайного места за старыми досками ключ, она что-то пробормотала, сунула его в ржавую замочную скважину, поднатужилась, надела на дверь, пару раз толкнула её и ввалилась в опутанный пыльной паутиной дом.

— Уффф... Нет, я не смогу здесь жить. — озираясь по сторонам ошарашила новостью. Дом безмолвно принял сие, как должное.

— Но я не могла не приехать, потому что верила, что ты сохранишь для меня их. Это самое дорогое, что у меня осталось от него. — следуя за своей тенью она подошла к лестнице и, нащупывая уверенность в скрипящих ступенях, неторопливо поднялась на второй этаж. Распахнув дверь и быстро пройдя через кабинет, расшторила окна.

— Где же, где же, где же? Вот. — стряхнув вековой слой пыли с кресла вместе со старой тряпкой, удобно усевшись, выдвинув нижний ящик, вынула свёрток и положила на стол.

— Вот вы где, мои дорогие. Вот вы... — улыбка преградила путь каплям слёз. Накрыв руками стопку старых писем, она ещё долго согревалась воспоминаниями из прошлого, не осмеливаясь прочитать ни строчки.

— Я с вами. Теперь торопиться незачем. Да и некуда.

Незаметная катастрофа

Седьмой вечер паучки на ели пробуждались от тепла свечи. На зеленых ресницах поблескивал застывший дождь. Смешные рожицы в отражениях огромных сфер с невероятным грохотом, словно праздничные упряжки мчащихся троек, танцевали вокруг умирающего дерева. Разноцветные шары и кубы, снежинки и немой, седовласый старец в пышных одеждах, блестящие и звезды, какофония рыдающих ритмов детской гармошки. Всё перемешалось на празднике нового года, новой жизни, новых свершений, потерь и встреч. Ожидание чуда переполняло все вокруг. И только маленькие, испуганные паучки ютились на ветках в кромешном хаосе.

Цветные тени

Утренняя пробежка по лабиринтам городских улочек, когда жители только начинают выползать из храмов сладкого сна и вкусной еды, устремляясь по своим делам, то и дело возвращает меня в этот город. Хрупкий мужчина в костюме быстро передвигается на тоненьких ногах, как на цирковых костылях, за билетами в театральную кассу, придерживая шляпу. В меру упитанный гражданин торопливо листает газету, оглядываясь по сторонам, переходя дорогу, надвигая на переносицу сползающие очки, обдумывая две важные встречи до и после обеда, вспоминая ужасное меню. Ирликтыч опять занят своей обувью — начищает до блеска, ведь, у него утренняя прогулка перед поездкой на теплоходе на природу из каменного савана городской суеты. Клара Карловна поливает цветы на своём уютном балконе, деловито заглядывая в каждый бутончик, как пчела. Движения её резки, но точны и тем изящны. Многие окна открыты. Храмы сладкого сна и вкусной еды вдыхают свежесть утренней прохлады. Город шуршит, постукивая каблуками торопливой толпы о каменные мостовые, трепещет пыльной листвой, просыпается.

Паучок

Моя забота — день и ночь плести невидимыми нитями последнее пристанище доверчивых гостей, парящих между листьями, вдыхая свежесть запаха лесных полян соцветий. Я на обед отведал мух, а к ужину готовлю пчёлку молодую. Лишь, завтрак мне испортит ранняя роса, когда проявит весь узор сложнейшей паутины. Но до обеда голодать я не готов. Уже запас на этот случай стрекозу и шершня крылья. Ни ветер, ни сухая ветвь не властны прекратить природу моего труда. С небес упавшая слеза разжалобить не в силах паука.

Крестьянин

За пару часов до рассвета в поле безветренно и сыро. Будущее сено склонилось под грузом капель рос. Подобно веслу, беспощадное лезвие косы приближает крестьянина к опушке леса, как к берегу моря. Маяком служит еле заметная свеча. Сознание отвлечено колебанием инструмента в крепких руках. Мысли абсолютно чисты и открыто встречают первые лучи Солнца.

Постриг

Родился кубик в мире сфер, и было ему неуютно, — никак не мог найти ровные стены, чтобы опереться. Блуждал, блуждал и стал просить сферы выпрямиться, но сферы не смогли это сделать. Тогда кубик попросил их раздуться до таких размеров, чтобы изогнутые образы казались ровными, но и на этот раз сферы не смогли ему помочь. Им стало тесно из-за того, что одна увеличивалась, а другие не хотели ей уступать своё пространство. Кубик продолжал кувиркаться среди сфер, доставляя им боль своими острыми углами. Тогда сферы решили уменьшиться до размера атомов. Кубику стало свободно, но одиноко, и решил он уменьшиться до размера атома. И стал кубик сферой среди сфер.

Сказка

Красная Шапочка бежала по лесу и споткнулась о корень старого дуба. Открыв глаза, она увидела серую глыбу, на которой был нарисован Волк.

— Вот бы повстречаться с ним вживую. — подумала Красная Шапочка.

— Вот бы она не была нарисована. — подумал Волк.

Между небом и землёй

Под ногами треск ступеней, скрывающих землю от солнца вот уже двести лет. Как выглядели строители в ту пору? Что за соцветия, не успевшие отдать семена? Сколько и каких, в чём и по какому поводу прошло по вам за каждый из дней? Многие тысячи ног...

Льняные нити

Ветер гнёт шею, треплет волосы и остужает кожу, забирая запах. Кажется, что на рубахе распутываются клетки. Мираж обдаёт брызгами воды. Вскоре вся одежда превращается в мокрые лохмотья, парящие на солнце, не желающие отпускать меня.

Жажда познания

Что-то привлекает, или ты обращаешь внимание на окружающее пространство. Не думаю, что дверь страстно желает, чтобы её открыли, но интерес к тому, что за ней, влечёт к действию. Смотришь в замочную скважину, но ничего не видно. Открываешь, а за дверью темно. Войдя, нащупываешь выключатель. Свет настолько яркий, что ослепляет. Оборачиваешься, но позади ни двери ни стен, — яркий свет. Цепенеешь от того, что под ногами и над головой, лишь, уходящий в бездну свет. Закрываешь глаза, и фантазии рисуют картину помещения или улицы. Открываешь глаза, но картины остаются. Долго моргаешь, не понимая, что происходит. Мелькнувшая мысль о скалах тут же оказывается реальностью. Летишь вниз, но, не желая падать, отодвигаешь дно ущелья. Представляешь реку и тут же ныряешь в неё. Страх мелководья углубляет дно. Огромные рыбы вокруг. Свет сменяет полумрак. Какие-то удары в спину, в плечи, по щекам. Чуть слышны голоса.

— Брвл. Брвл. Првл. ..фесс.. Пофесс.. Профессор. Очнитесь. Профессор!

— Бррр. Что это было.

— Что с Вами, профессор?

— Что это было?

— А что было, профессор?

— Бррр. Вы кто?

— Это мы, Пал Палыч! Это мы! Вы что не узнаете нас?

— Ничего себе... А это что за хреновина?

— Дефибриллятор, как Вы и просили, если что-то пойдёт не так.

— Что куда пойдёт?

— Ну, опыты Ваши! Мы так перепугались. Василич даже Ваш раствор разбил.

— Какой раствор? Да вы что охренели совсем? Бррр... Это же... Я же... Я не успел даже... Василич, а как же ты? Как же теперь?

— Пал Палыч, я это... Ну, того... Как Вы себя чувствуете?

— Прекрасно, ребята, прекрасно! Вы не представляете, где я был.

Дети дикарей

На кончике носа свежесть морозящего дождя смешалась с мокрой шерстью. Я ещё не знаю слов, чтобы описать всё, что вижу вокруг. Что такое дождь. Почему дождь морозящий. И эти листья на тонких ветвях свисают над выходом из пещеры. Или входом. Меня кто-то поселил в хранилище наследия и вдохнул разум. Что с этим делать, я узнаю позже. Пока есть только чувства и неспособность выразить их словами. Мимика. Озноб. Боль от шишки на лбу. Невнимательность. Внимание к чему? Какая-то поверхность. Шершавая. Твёрдая. Теперь я знаю, что лоб не должен дотрагиваться до неё. И локоть тоже. Я спал на том, обо что ободрал своё колено. Куда же деть себя, если всё против. Зависнуть бы в воздухе, но и ветер морозный продует так, что обожжёт до красна. Противоречия. Нюансы. Что за бред? Куда я попал? И этот голод. Почему мне надо есть живое. Почему нельзя есть воздух и песок под ногами? Убей и съешь. Не съешь, — умрёшь, и тогда съедят тебя. Задача в поиске морали в аморальном наследии? Здесь всё против меня. Закрываю глаза, — темно. Закрываю уши, — тихо. Внутри меня борьба за жизнь маленьких существ. Я их не вижу, но чувствую борьбу. Уродливость в наличии морали. Хочу быть камнем и листвой, морозной ночью, утренней росой, соцветий краской луговой, потомком повелителей рассвета.

Неорганическая любовь

Ты делаешь шаги по лестнице в лужу свежего бетона. Глухое чавканье. Люди вокруг чего-то кричат, разевая огромные, беззубые рты, из которых валит ядовито-болотный газ. Ты чувствуешь единение с центром планеты, стоя на решётке ржавой арматуры. Встаёшь на колени, и все видят уходящее в мёртвую смесь темя. Ужас контрастирует с ликованием в честь смелости. Окружение медленно расходитя по своим делам. Свершилось.

Четыреста шагов

По снежной дороге, уверенно сопротивляясь встречному ветру, но не шибко торопясь, по своим делам куда-то направлялся совершенно неприметный человек. Один из толпы, вдруг, оказался в центре моего внимания. Тысячи беспризорных человеческих, санных, собачьих, а, может, ещё чьих-то следов, утрамбовали переливающийся на февральском солнце путь. Траектория, по которой перемещался пешеход, была, казалось, непредсказуема. Не оттого ли, что ему приходилось уступать дорогу встречным прохожим, шарахаться от трамвая, который непременно переехал бы глухого. Мой слышал, иначе не получил бы, как выяснилось, задание зайти сначала в аптеку, в которой всегда чего-то не хватает из целого списка лекарств, что требует, в буквальном смысле, бурного обсуждения, деликатных предложений, а, иной раз, и до рукоприкладства дойдёт. Итак, говорливый дипломат не дюжей физической силой отворил дубовую дверь и покинул это исчадие синтетических запахов здоровья. Через дорогу его приветствовал Главпочтамт. Заказан звонок на шестнадцать часов. Нельзя опоздать. Измученный торопыга совсем растерялся и, забыв про всё на свете, пошёл напрямик под... Однако, не будем давить несчастного санями, ведь, на другом конце провода его очень ждут. Может быть даже сильнее, чем его собственное возвращение. Шестнадцать часов, седьмая кабинка.

— Гриша, здравствуй дорогой!

То ли от мороза, то ли от радости сдавило горло.

— Здравствуй, Машенька! 3-Здравствуй!

Кислородное голодание

Очнулся в арке дома. Моросит мерзкий дождь. Сыро и неудобно. Где я? Куда иду? Откуда? Который час? Снова подошёл к стене с рукой на сердце. Оно билось и не билось. Когда не билось, казалось, что его и нет. Хочу нащупать, что там вместо него, но ничего не прощупывается и не простукивается. Тишина. И только мерзкий звон в ушах.

— Ваш билетик!

Уже стою в трамвае. Да, каким-то чудом удалось. Не знаю и не ведаю. Толкают в спину, в бок, наступают на левую ногу, потом по ней же проезжает тележка. Правая рука, сжав поручень в мёртвый замок, почти навесу удерживает всего меня. На остановке выносят общим потоком. Зачем я здесь? Кто-то кричит: "Мужчине плохо. Кто-нибудь вызовите скорую! Кто-нибудь!". Актёрская мимика соревнуется с судорогами. Ноги вплетаются в ножки скамейки, крепко сжимая её. Пропадаю во сне.

Невидимые цепи

Сквозь слипшиеся ресницы пробивается солнечный луч. Власть раскинув руки, словно, пытаюсь схватиться за цепи качелей, и повиснуть в предвкушении падения в прохладную заводь лесной реки, мгновенно разбудив себя, пытаюсь поймать бесцеремонно рвущуюся цепь событий последнего сна. Грузные шторы повинуются, словно, первому взмаху крыльев. Яркий свет пронзает всё тело, как рентген. Будто ты, внезапно распавшись на бесконечное множество атомов, вновь собрался в неразрушенный пазл.

Непроверенная история

Одним весенним, тёплым, солнечным утром, не вспомню, какого года, Тройкин вышел в народ поведать несколько интересных мыслей, которые ему во сне напела странная птичка. Перешагнув порог сомнений, он устремился в путь. Не пройдя и половины первого поля повстречался ему мальчик, который сидел спиной к обочине пыльной дороги. Подойдя ближе он из-за спины увидел, что мальчик играет в кости. Три косточки полностью чёрного цвета, а в центре одной из граней четвёртой кости мелькает красный круг. Тройкин смутился и буквально остоленел, когда игрок внезапно обернулся и уставился на него строгим, холодным взглядом, тут же сменившимся на ехидный прищур, который, в свою очередь, прервало беглое замешательство зрачков, подобных зернистому перцу.

— Зачем ты вышел? — сердито спросил Тройкина мальчик.

— Я не мог более сидеть сложа руки. Да, ещё и этот сон. — с долей сомнения пробормотал Тройкин.

— Не доверяй птичке, если ничего не знаешь про её. — уверенно выпалил мальчик.

Обескураженный путник обиженно обернулся, махнув рукой, случайно задел плечо мальчика и пошёл прочь, более не оборачиваясь ни разу. От удара мальчик выронил кости. Выпала красная метка. Мальчик снова обернулся и увидел женщину в чёрном платке, державшую чёрное, аккуратно сложенное покрывало. Сон мальчика на этом закончился, а у женщины через 3 дня умер муж.

Тем временем Тройкин продолжал свой путь. Пройдя первое поле, он оказался на краю оврага, с другой стороны которого молодой листвой шелестела берёзовая роща. Внизу оврага Тройкин приметил человеческие очертания. Спустившись, он увидел перед собой прозрачного человека, который умирал от жажды, потому что не мог испытать воды, так как она проливалась сквозь него.

— Кто ты? — спросил Тройкин.

— Я не знаю. Знаю, что умер несколько дней назад, но больше ничего не помню. — голосом, как со дна колодца, сообщил прозрачный человек.

— Пойдём со мной. Что-нибудь придумаем. — Тройкин было собрался взять человека под руки, но тут же споткнулся и упал, так как не смог его ухватить.

Прозрачный человек более ничего не ответил и остекленел. Тройкин ещё какое-то время побыл с ним рядом, потом поднялся и, пятясь от застывшей фигурки, зашёл в берёзовую рощу. С грустью на сердце посмотрел на мученика, повернулся и пошёл дальше. Голова переполнялась мыслями о том, что мог сделать при жизни прозрачный человек.

Темнело. Вдали показалась еле освещённая Луной дымка над поляной. Тройкин попал на болото.

Мудрец

Невозмутимый взгляд сердобольного и больного старика издали кажется хитрым и грозным. Оказавшись рядом, замечаешь, что глаза настолько же близки к чему-то светлому, насколько далеки от окружающего. Сухое, одревенелое, без малого, мёртвое тело управляемо парой бесконечно живых чёрных дыр, в которые вытягивает всю накопившуюся глупость торопливого бытия.

Огромные волны ужалили о берег эмоций. Очутился в чаще леса. Сидит молодой человек в одеждах, похожих на изодранную мешковину путника. Клюкой из старой сосны молча ворошит еле освещающий поляну костёр. В немом вопросе, проникающим в сознание окружающей действительности, слышится вопрос о том, долго ли ещё.. Нависшие над головой старые ветви, по-родительски укрывающие мученика, так же безмолвно отвечают, что всё закончится, когда он этого пожелает, но фокус в том, что невозможно насильно прозреть. Лишь, после прощенья самого себя, осознав пройденный урок, откроется выбор дальнейшего движения.

Китай

Лёгкий бриз распутывает низкий туман рисовой равнины. Вдали кто-то скрипит струной. Словно, задавая такт беззвучной мелодии, стрекочет оборванная спица проезжающей мимо повозки. В правом глазе старого китайца медленно покачивается горизонт. Левый всё ещё досматривает сон по недавнему празднику второго урожая. Весь простор усыпан зонтиками головных уборов, весело и активно покачивающихся у водной глади.

Взгляд со стороны

- Парфён Ильич!
- Оу? Пррр... Ну, стой. Чего там, Егор?
- Да, вон... Котёночек сидит в снегу у ели, вон.
- А как он тут-то?
- А Бох ыво знает.
- Ну, пристрели, да поехали.
- Как пристрели?!
- Да, смеюсь я!
- Ну, так что?
- Бери давай скорей! Кони стыннут.
- ...
- Господу помолимся по рабе усопшей Мории...
- Васька, смотри!
- Чего?
- Вон...
- Ребятишки, а ну-ка не озоровать...
- Ой, горе-то какое... Как живая лежит... Вчера, ай нет... Када?
- А я и не знаю...
- ...
- Нет, нет, не поехал...
- Она осталась...
- Давай, давай... Егорка, принеси, что подставить... Вон, табуретка...
- ...
- А мы так варим.
- Да, нее. Там, ты знаешь...
- ...
- Свечи взяли?...
- Да-а, а я и не узнала сразу.
- Ага, как живая...
- Картошку-то посадили?... Аа...
- Между встань, между!
- Заправь ему за ворот. Во-от. А то.. кх...
- На, докури. Всё, взяли! Давай, давай...
- Всё нормально?
- Да, она лёгкая...
- ...
- Уважаемые родные и близкие. Сегодня...
- Да, заплыла совсем...
- А я давно не видела...
- За-а мной молодой человек поухаживает...
- ...
- Хер её знает. Первый раз вижу. Поди, с той стороны...
- ...
- Да, нет, всё хорошо, всё хорошо, спасибо...
- ...
- Уважаемые пассажиры...
- Люди добрые...
- Чё ты ёрзаешь?
- Да мелочь где-то была... Ух, ща в душ и спать... обожралась...

Кома

Что-то пульсирует, словно звёздочки в глазах, но за чёрным матовым стеклом, в попытке подключиться к мозгу. Редкие вспышки света от удачных подключений обнуляют таймер смерти, донося слипшиеся голоса, но мощный болевой удар отрывает связь. Ещё рано. Между подключениями нечем думать. Пытаешься, но не можешь. Вновь вспышка. Вьедливая. Приникающая жидкими иглами в глаз, руку, ногу. Что-то тёплое сжимает кисть. Пытаюсь вдохнуть, будто не дышал целую вечность, но что-то делает это за меня недостаточными порциями. Пучки нервов закручивает в резиновый жгут. Тихо задыхаясь незаметно корчусь. Чувство тошноты. Свинцовая грудь взлетает. Что-то пульсирует...

— Уже почти 2 года.

— Да? Хм, да, действительно. — молчаливая пауза вопрошает: "И-и?".

— Вы же видели? Он очнулся!

— Что? Мм, да... Но это...

— Что?

— Нет, ничего. Не хочу Вас обнадеживать. Наберитесь терпения к любому исходу.

Осень

Затмевая серые тучи просторами оранжевой бесконечности ветер гнал горными хребтами последние капли живительной влаги. Листья жадно прощались с холодными лучами. Протяжный стон пастушьего горна растворялся в туманной долине. И, лишь, продрогшая птица, сопротивляясь холодным потокам, устремилась вслед миражу уходящего лета.

Белый мамонтёнок

Одиноко плыть на льдине. Полярная ночь. Хочется проверить, где её края, но темно и страшно соскользнуть в холодный океан. Ведь, выбраться не помогут. Все куда-то сгнули. А, вдруг, это не льдина, и совсем рядом берег, от которого и до света недалеко. Что же делать?... Ждать до лета?... Лето такое короткое. В прошлом году ушёл в другую сторону. Заблудился. Как можно было заблудиться на льдине?... Эх, неуклюжий. Если и заору, — никто не найдет. В сугробе тепло. Вот, только хобот заматывает. Дышать трудно. А, ведь, совсем недавно срывал им зелёные веточки. Ммм... Какие же они вкусные. И, вдруг, темно. Провалился в сон. Проснулся от жуткого холода. Побрёл куда-то. Зачем?... Еда была совсем рядом. Мечтал посмотреть на океан. Бабушка рассказывала, что он очень большой, красивый и тёплый. Наверно, это был другой океан. У меня холодный. И ничего не видно. Какой-то скрежет. Что это?! Огни! Огни! Как светло! Ой, я стал совсем белый. Какой-то остров плывёт на меня. Лёд разрубает. Видно воду. Вот он — океан! Вот он! Стой, остров! Не руби льдину! Не успеваю выбраться. Снег сковал всё тело. Никак не получается. Стой, остров! Стой!

8-я Марта

Ирликтыч не любил дарить розы. Розы колючие, быстро вянут и весной почти не пахнут. Вот, в августе они настоящие, а весной фигня... Купил Ирликтыч два ведра подснежников. Идиот. Забрали его господа полицейские, потому что решили, что он торговец подснежниками. Полудурки. Так началось утро Ирликтыча. Теперь подснежники, за которые Ирликтычу уже никто не вернёт деньги, господа полицейские могли бы подарить своим жёнам. Могли бы, но инструкция запретила. Уничтожили. Марта выкупила Ирликтыча, потому что у Марты своя инструкция. Тяжело быть 8-й женой идиота. Потом они вместе пошли на рынок и купили Марте два ведра. Ирликтыч счастлив, потому что подарил подарок. Марта счастлива, потому что Ирликтыч с утра такой внимательный. Это такая редкость.

Весна пришла!

То и дело пронзая тюлевую занавеску грузными диоптриями, умиротворённо и по-домашнему скрестив ножки, одетые в тёплые бурки, бросал тень на ветки ивы многолетний старичок. С ловкостью атлета, словно лист бумажный, вплетал он ветвь за ветвью в корзинку для грибов. Смолюшки, потрескивая, грея вчерашнюю похлёбку, соревновались сквозь трещины в печке с пробивающимися лучами солнца. Кто-то постучал в окно и в момент разрушил сонное царство.

— Етит твою, кого там ещё несёт? — пробормотал работник.

— Кто там!?

— Выходи, Пал Игнатич! Весна пришла!

Реликтовые люди

Как-то, возвращаясь с утренней прогулки, Зольдман Ирликтович решил заглянуть в обувную лавку. Постучался дважды, ещё один раз и ещё дважды. Раздался неприятный скрип, и, приоткрыв дверь, показался низенький мужикашка, — владелец неприкрыто сияющей плечи и остатков былой кучерявости.

— Чего Вам, любезный? — тараша единственный глаз провопил обувных дел мастер.

— Каблук стоптался. — заявил Ирликтыч, настойчиво надавливая на дверь интеллигентной упрямостью.

— Не посмотрите?

Четырёхмерная спираль

Зольдман Ирликтович пошёл утром прогуляться по лесу, прислонился к стволу старой берёзы, задремал, и приснилось ему, что наш мир — четырёхмерная спираль, пожирающая собственную сферу, каждый виток которой является параллельным миром, рождённым предыдущим витком, но так же являющимся его продолжением и неотъемлемой частью единого. Червоточины — в прошлом чёрные дыры, которые, набрав критически большую массу при критически малом объёме, просочились сквозь гравитационную решётку, явившись "Малым взрывом" в соседнем витке, породившем новую чёрную дыру на границе следующего витка, который будет пробит, стремясь к центру.

— Мы видим звёзды, на которых живут наши родители, которых родили мы. — пробормотал Ирликтыч, пробуждаясь от щекотания паучка, забравшегося к нему в нос.

— А-а-апчхи-и...

Безразличие

...круги воды среди гаснущего света. Словно предсмертная неуправляемая дрожь от тьмы. Что там внизу? Сколько дождя на меня пролилось, но никогда бы не подумал, что вода бывает так страшна. Меня топтали тысячи ног, но только одна пнула в бездну. Кому-то это доставило удовольствие. А может я последнюю сотню лет всем мешал, и нашёлся спаситель? Но почему так радикально? Мог бы пнуть, лишь, на обочину, оставив радоваться солнечному свету, не боясь воды. Возможно, мне понравится покоиться во тьме мягкого ила в вечном ожидании великой засухи...

Ложные чувства или самообман

У каждого из нас время от времени возникают чувства. Будь то чувства к другому человеку, группе людей, животным, предметам, событиям, которые создаются нами же или влияют на нас извне. Возникает желание разобраться, откуда они берутся. Можем ли мы их менять, или это всего лишь комплекс рефлексов, первая реакция на что-то, которую мы не можем изменить заранее, так как не всегда или практически никогда не можем предвидеть?

Входим в комнату и думаем, что в кресле спиной к нам сидит человек. Мы точно не видим, что это человек. Возможно, это манекен, или шляпа на палке. Мы не видим, но мгновенно возникает первое чувство, что сидит человек. Пытаемся окликнуть, но в ответ тишина. Решаем подойти поближе, но возникает второе чувство-вопрос. А вдруг он спит? Это он или она? Кто это? Может быть умер? Окликаем ещё и ещё раз. Тишина. По телу пробегает мелкая дрожь. Возникает чувство страха. Озноб прошибает всё тело как разряд молнии...

Коридоры

Вчера в коридорах встретил Птолемея. Он уставился на меня и никак не хотел отпустить. Коридоры — это, кажется, бесконечные лабиринты с матерчатыми стенами и качающимся, как над пропастью, полом. Жуткое место, но там много интересных людей. Чем дальше гуляешь, тем твёрже стоишь на ногах. Очень удобно при общении. Не надо сосредотачиваться на собеседнике. Смотришь прямо в его мысли. Коридоры внешне немного похожи на клинику. Своего рода резервация, без вопросов, типа: "Как дела?", "Ты в порядке?" и универсальных ответов: "Ничего, нормально." или "Да так себе.". Очень простые правила хождений и блужданий: проявлять уважение ко всем, никогда не останавливаться и никого не обременять фразами с эффектом "сдувающегося шарика" (когда задают вопрос или отвечают так, чтобы не затронуть целомудрие собеседника, не навредить его честолюбию, не запятнать свою репутацию, не вызвать к себе лишних вопросов, либо ответить на них так, что будет примерно понятно, как сотворили мир, т.е. ничего не понятно, но красиво).

Несколько месяцев назад после уроков я уехал в коридоры. Давно планировал там побывать, но никак не мог взломать вторую крипшу. К сожалению, мой четвероногий друг погиб при входе. Я не знаю точно, как это произошло. Помню, что он забежал первым, не выждав пятисекундный крен. Я и не мог знать, что там есть крен, да ещё и такой долгий. Он просто распался. Я никогда раньше не видел такой невероятно красивой и стремительно трагичной картины. Трагичной мы делаем её сами. Возможно, мы все так когда-то уйдём. Здесь это, при всей его трагичности, казалось бы, рядовое событие можно увидеть. Да, именно увидеть. А это действительно событие. Не тот тихий ужас, который мы видим, прощаясь с уходящими от нас. Я впервые был зомбирован. Шевелились только глаза. Судорожно... С любопытством новорожденного идиота. Так я первый раз попал в коридоры.

Думаю, что моя собака где-то там... Бегает за стенами и всё про меня знает, но связи пока нет. Птолемей сказал, что должно пройти время. Нам сознательно первое время не позволяют общение с умершими. Это проверка для нас же самих. Если мы действительно нуждаемся в ком-то. Если мы помним его до конца своих дней, то получаем разрешение на общение в коридорах. Там никто никого не навязывает. Если кто-то не был тебе нужен при жизни, или ты его скоро забыл, то можешь случайно повстречаться в коридорах, но никогда его не узнаешь. Это первая кара для любого из нас, независимо от количества и качества грехов. Исключение есть только для тех, кто при жизни потерял рассудок. Именно потерял, а не имитировал его потерю. Говорят, что весь род Гиппократы вымолил этих тварей заранее. Они и сейчас продолжают молиться в своих зимбах. Поэтому я их в коридорах пока и не встречал. Видимо, в наше время много нарушивших клятву и соблазняющих к нарушению. Пациенты невольно страдают. Очень страдают...

Стишки

Суета меня тянет и грусть,
и задворки горбатые воют.
Я не ною, держусь, я молюсь
над своею судьбою.

Ты лети, словно птица в ночи.
Расправляй свои крылья по ветру.
Не кричи. Не ворчи. Помолчи
над моей головою.

Тело движется вспять за гнедой.
Свист саней, хруст поломанных сосен.
Не тащи его в чашу в ночи.
До утра потерпи поневоле.

На рассвете разбудишь хребет.
Содрогнётся, стряхнув нажитое.
И пойдёт за лучами мечты.
И сольётся с туманным тобою.

Здесь толпы людские эпохами ходят.
Смеясь и ликуя, стуча каблуками,
огромными массами мимо проходят.
И каждая утварь свой звон оставляет.
И запахи тлена в мозги проникают.
Глаза стекленеют, себя отражая.
Мир мимо проходит, мосты разрушая.
Всё действие подобно дрожанию стали.

Ткань

Разрывая мир материй, я оставлю ткани ветра,
что за кистью успевает, проникая в дверь эмоций.

Там невидимые нити отражают спектры силы.
Центры иллюзорных вихрей составляют пазлы мыслей.

Познакомься с музой света, - озарит природой смыслов,
бесконечностью иного, не случайного, - родного.

Пробуди свои мотивы, что заставили родиться
в мире плоти и забвенья в час взаимопоглощения.

Постигая грани истин, улови предназначение,
чтобы не пустым вернуться в бесконечное единство.

Белый лист на стене повис.
Просит лист начертить эскиз.
Линии, точки, штрихи и круги.
Тень механизма пылает внутри.
Рвётся наружу мыслительный крик.
Строгими волнами грифель парит.
Ластик игриво ошибки стирает.
Чайник остывший давно не свистит.
Ведь архитектор про всё забывает.
Ночь наступает и музу бодрит.

Живое в мёртвом

Лети по ветру, лист кленовый.
Узор твой режет облака.
Лишь в мыслях зримый мною образ
кусает серые бока.

Кружись, танцуя невесомо.
Рисуй еловые края.
Качайся лодкой над волною
и опустишь мне на глаза.

Касаясь неба пальцами, пригнувшийся под стаей ветра след, шарахаясь от шага по горячему песку,
обрывы раскрывает. Седыми цепями со склонов горсти лет в долинах русла рек питают.

Таская кости мертвецов,
целуют гробы, но не опускают.
Дербаня седовласых мудрецов,
кошелем набивают.

Силами сведают веки зелёные.
Новые стаи летят в облака.
Многое выждали немые голодные,
доны солей небесам предпочтя.

Килы и рубия мерами зонными
вечно скитаются, плесень селя.
Фазы ленивые жёлтыми лунами перевосходят.
Геройствует тля.

Проснись, отдай всё, что сегодня должен: переверни страницу, ногу подними хоть на ступень, раскрой свой рот, лишь задались вопросом, не забывая душу приоткрыть. Живи, мой друг, на полную катушку, но не запутай линии судьбы в тугой клубок, который завтра не распутать. Живи сегодня, уважая путь.

Движение по кругу много раз, но замкнутой спирали только маятника мах.

Когда-нибудь, пройдя по дну веков, вернешься ярким пламенем неведомых миров.

Пульсируя в прозрачном пузыре, разглядывать пытаешься во тьме.

Механика вселенского бытия обёрнута в простую букву Я.

Экспансия 404

Здесь одноразовый музей под облаками всех мастей мне демонстрирует парад перемещаемых теней. Среди зеркал из голых скал растёт невидимый кристалл. Мерцает мост. Ущелье. Пар. Все на поклон, - и мал и стар[, — коснуться тенью о кристалл]. Во имя жизни в облаках, на тёмно-синих берегах, чешуйки серых змей, нашёптывая мантры, увлекаются в астрал.

Закрыв глаза увижу я туман из мутных нитей. Чуть приоткрыв ресницы сквозь испарину белья на струнах суп из звёздных бликов размывает стая птиц. Хотелось бы уснуть лет так на пять, проснуться где-то там, открыв глаза на полные тарелки, увидеть небо и вернуться вспять. Когда приходят сны, внеплановые грёзы, наивных страхов полчища и тьма, направить взор хотелось бы на остров из первой пыли, тишины и... Мгла.

Мечты

Бывает так, что под ногами воздух.
В другое время, — лодка на волнах.
Бывает, что ты маленького роста.
Настолько мал, что листья в облаках.

Когда-нибудь ты снова станешь взрослым.
Увидишь звёзды бликами во тьме.
Когда-нибудь ты завоеешь остров.
Рабами возведёшь вершины стен.

Но будет день,
и крикнешь во всю глотку:
"Скажи, где остановка!?"

...

Камень с моста.
И только всплеск ответит мне опять:
"Ты был когда-то маленького роста.
Забудь про всё и приходи мечтать."

Он ругает за веру, где лютуют за победу стаи чёрных птиц.
Холодный ковш свободы с двухметровой глубины зашторивает эру тьмы.

Созерцаю великие линии. Изгибаю во всё их величие. Сквозь туман чёрным бризом волнуются. Не спешат ускользать в бесконечное. Захватчу их, как вожжи голодные. Полечу до весны в Одинокое. Разорву по дороге пророчество. Поверну на морозное озеро. Если выдержит лёд тройку буйную, не вернусь никогда...

Тоска

У студёной реки чёрный ворон молчит,
зрит на водную гладь, стаю туч провожая.

На плакучие ивы с небес моросит.
И срывает листву ветер, зло завывая.

Поздняя осень

Открой окно.
Впусти прохладу утра.
Поторопи тепло невидимых лучей.
Вдохни морозный иней высохшей листвы живого дуба.
Взгляни на зелень елей.
Пробудись.

Одежды поздней осени, — лишь, шелест под ногами.
Твой нос подобен волчьему.
Твой слух простился с птичьей стаей.
И зрительные образы снежинки вспоминают.
Забудь цвета.
Реальность отступает.

Русская рулетка

Северная куча всех культурных осложнений проникает метастазами газетных отложений вопреки менталитету, как свинец из пистолета, прошибая интеллекты, оставляет рваный вектор в головах интеллигентов.

Он был рождён во студёную осень,
какой не видала лихая зима.
Сковало дороги до тающих вёсен,
что падали с криками люди, как тьма...

Племя не наше, отправь меня к чёрту.
Как же устал пребывать в суете.
Долгие провода не собирайте.
Сани покрепче, да кони в узде.

Где же вы, братья, студёные ветры?
Дуньте на угли, — согреться кручусь.
Не ночевать увезли до пределов.
Солнце готовьте, — я жить остаюсь.

Лапти

Не слушай возле каждого острога
юродивых кликуш цингой матьё.
Оставь весь смрад похмелья у порога.
Всё, что дало там нечто, — в забытьё.

Прикинься лаптем, гордо воспевая
метлы занудный скрежет по листве.
Нигде не сыщешь сильного, как брата.
Врага найдёшь на преданной земле.

Пророк

Прошивая заветную линию белыми нитями,
след оставлю я солнечный серыми тенями.
Привлекая морские глубины на берег оранжевый,
начерчу на песке ручейками лихое пророчество.

Камни склоны теряют, крича невесомости,
что покинут её навсегда у подножия горного.
Невозможно дойти до любви по холодному творчеству,
оставляя в мозаике его волны тёмного времени.

Подойди, подойди к водной глади прозрачного озера.
Посмотри в глубину до темна, опасаясь гибели.
Встречу там я тебя в отражении синего космоса.
Покажу, как уплыть от краёв обречённого острова.

Глина

Ты — вязкая среда, — омоешь мои руки
и, высохнув, оставишь трещин след.
Тогда почувствую я силу и от скуки
в твоих одеждах буду гладить свет.

Он мне покажет ласковые формы
кувшина, опоённого вином.
Как свяжешь меж собой седые камни,
когда мы будем вместе строить дом.

Когда же испаришь пластичность влагой,
я подойду к тебе, невольно полюбив.
Но не ответишь мне живой прохладой.
Окаменеешь, запахом пленив.

Сферизм и кубизм

Ни линий. Ни граней. Ни чётких очертаний.
Открой мне свою тайну, зеркальное создание.

Фонтан разноцветных кубиков льда на раскалённые камни в сумерках.
Дети прыгают, животы корча от смеха. Смешные рожицы из тумана испарений.

Когда ты снова будешь маленького роста, припомни место нашей встречи.
Достань из кармашек пальто ледяные шары. Присядь на цветные кубы. Я рядом. Не жди.

Три сорок

Здесь вокруг никого.
Фон лесной тишины.
Свежесть утренних рос.
До тебя три версты.

Жизни двадцать минут.
Ты беги.

К нам летят палачи.

Шиворот-навыворот

Смысл дождём январь белизну дорог. Камня серый блик, да прогнивший лист. Где мороз ползёт? С кем снежинка вьёт покрова земли? Не видать зимы.

Птичий слышен крик. Сморщился сугроб. Завтра нам февраль принесёт её? Что бы ветер дул лютой вьюгою. Что бы замело тропу путнику. Закрути, февраль, гриву белую. Проморозь ручьи льдами толстыми.

Прислонюсь спиной к печке каменной. Баньку протоплю, ай да с веничком. Радость справишь мне, как положено. А нито тепло изведёт тоской.

Требуя победы не участвуешь в войне.

Волны возмущения, как бриз перед сражением.
Опять рекомендуешь, как быстрее сдаться мне.

Топают копытами облезлая броня.

Скройся за убитыми, потрёпанная тля.

Гнева напряжение добавит испарения.
Убойное гниение у войска за тебя.

Летящие реки

Сегодня для тебя повёрнуто течение,
разрушены привычные мосты.
И лодки дамбы поднимают в небо.
Летят они, как чёрные дрозды.

Откуда знать им ветер высоты,
что море гонит через русло в горы.
Как у истоков вихрями ключи.
Из града пар разбавлен селем в хоры.

Молчи, молчи, молчи, молчи, молчи.
Оцепеней хоть раз, однажды, через волю.
Играй собой, пусти слезу, кричи.
Я посмотреть хочу на соль в глазах и долю.

Обращение

Ты пырни мною небо
между прошлым и будущим.
След оставлю я белый
На просторах темнеющих.
Отодвинь своё солнце
горизонтом оранжевым.
Быть на небе призвали
выше туч, гор седеющих.

Покажи мне дорогу
за пределами зримого.
Знать желаю, что ведомо
лишь тебе многоликому.

Говорят, по спирали
расправляется волнами
твоя темень дырявая,
пустота невесомая.
Я не верю в придания,
что накаркали вороны.
Ты открой свои знания.
Расплескай во все стороны.

Телекинез

Тебя бросает в жар и холод
степной свободы мрак ночной.
Закрыв глаза расправишь руки
и в танце ветра станешь тьмой.

Кричи, как птица, в невесомость.
Забудь законов грузных суть.
Теперь ты солнцу равным будешь.
Все горы ниже. Лёгок путь.

Открой глаза туда, где хочешь
побыть сегодня наяву.
Спустись на землю и со мною
пройдись по ней куда-нибудь.

Озноб по телу роем жалил.
Твой шёпот помню наизусть.
И сохраню простое чудо,
чтобы вернуть когда-нибудь.

Дом

Крыша вибрирует в градовом танце. Дождик смягчает шумами зеркал. Треск грозовой, как удар по металлу, танго играет слепящим смычком. Где же ты, солнце? Прожарить лучами ты не желаешь ли водную гладь?

Гладь, разбежались мышинные войска.
В небе озёра готовы для стай.
Через дорогу земными шагами черепашонок свой домик несёт.
Пчёлы сменили деревьев шуршание.
И червячок, и улитка ползёт.

Пустыня

Не вспомнишь, как река топила сети,
поила листья, павшие дождём.
Необратимость устья вышла клином.
И лодкам бурей место под песком.

Не вспомнишь, как деревья гнули ветви.
Под натиском ломался сухостой.
Зелёные поля молились ветру.
Без очереди шли на водопой.

Не вспомнишь, как смешав все краски солнца,
ты жадно жалил кистью серый холст.
Там с гор ручьи и ледников вершины.
Туманная долина скрыла мост.

Не вспомнишь, где был берег за столетие.
Ушли моря, оставив корабли.
Что б не забыть великой жажды время,
на камнях ты об этом Расскажи.

Лицемеры

Сахар в уши острыми комьями.
Видно и слышно всё без иронии.
Яркие пятна в толпяной серости
на шарнирах псевдоуверенности.
Головы болтаются,
зубы улыбаются.
Кто-то нажал на паузу.
Пограничными столбами сразу их.
Столпами мысли съёжились.
Границы нарушились.
Грязная серость лапает.
Афиши на смокинги ляпает.
Откуда взяться движению
в ручном течении.

Как много сделать мы мечтали.
Так мало было суждено.
Вот старый год уселся в сани.
Его запомним, как кино.

Весну запомни, лета краски.
Я осень в сердце сохраняю.
Пришла зима. Мороз январский
рисует нам штрихом баварским
на окнах "Я тебя люблю!".

Всё это: шлак из мозга, размазня,
смешенье мыслей, отпрыски эмоций.

Я опускаю кисть в густую краску дня.
Швыряю в холст.
Добавить бы огня.

Прекрасное видение

Прекрасное видение,
прости, что не был гением.
Упрямства помутнение
мой растворяет век.

Сквозь частые сомнения
влекут грехи в забвение.
Упёртое мышление
даёт надежды свет.

Лишь после восхождения
туда, где ветер северный,
разбудит возвращение
забытый силуэт.

Прекрасное видение,
я жду тебя терпением.
Моё изнеможение
заполнено до век.

Холсты забвений

Органика камня в разрезе изящна,
но нет в ней историй, и логика мрачна.
Узорный плитус.
Гранитные стены.
Графита горсти рисуют сцены.
Отсутствие крыши.
И дождь чуть слышно
смывает тени чудных искривлений.
Вновь обнажая вечные срезы
мне предлагает холсты забвений.

Маленький ангел горячим касанием
щупает в треске еловую мглу.
Громким ворчанием тонны над пламенем.
Леса верхушки в дыму.

Водная силища в каплях зависшая,
неторопливо с иголок спустившаясь,
не долетев до земли испарившаясь,
с дымом в обнимку парит на ветру.

Станный он ребёнок.
Ничего не знает.
Ничего не помнит
и не примечает.

От чего так долго
созерцает ветер.
Почему проснётся,
как наступит вечер.

Не было сомнений,
что весна вернулась.
Но забытый север
вновь напомнит юность.

Не свою, — чужую.
И от части пресно.
Но в мечтах живую.
Ей немного тесно.

С Днём Победы!

С Днём Победы, Пехота!
С Днём Победы, Танкист!
С Днём Победы, Разведчик!
С Днём Победы, Связист!
С Днём Победы, Матросы!
С Днём Победы, Десант!
С Днём Победы, Пилоты!
С Днём Победы, Штрафбат!
Всем трудящимся тыла
с Днём Победы кричу!
Санитаров отважных
я поздравить хочу.
И тебе, Дед, любимый,
до земли поклонюсь!
И за Прадеда выпью,
что замучен в плену.
И за каждую Матерь,
что спасала семью.
За любого на свете,
кто за мир наяву!

И тебе я желаю
светлых лет без войны!
Сохрани в своём сердце
хоть немного весны!

Крещение

Волей случая нетронутая гладь лесного озера прорублена у берега.
Спешат сюда и стар и млад познать тепло божественного света.
Прольётся он сквозь грешных нас, морозом отрезвляя.
Разглажен лоб, приподнят нос и ясных глаз пронзает взор.
Накинув полушубок с гор, я согреваясь пью кагор.
И суете прощаю вздор, в блаженство окунаясь.

Опять по дороге
события, лица.
Бегут мои ноги,
летят, словно птицы.

И Бог, точно доктор,
заботливо спросит:
"Вот здесь не болит?
А вот там ещё колит?"

Зачем так жестоко
пальпировать душу?
Рубцами покрылась,
и нервы наружу.

Вокруг удивлённо кричат:
"Меру чувствам!"
Пошли бы вы лесом,
потомки искусства.

Время

Слева направо
тихие тени.
Справа налево
в свободном падении.

Не ошибайся в такте движения.
Если ошибся, лишь ключ поверни.
Плотную вечность, секунд бесконечность
лёгким усилием снова продли.

Время наследует сил напряжение.
Вот приближение.
Вновь удаление.
Бег от забвения.

Перец провидения

Попробуйте перец.
Он очень горький.
А если не можете
иль не желаете,
то и не пробуйте, —
не потеряете.

Сам вас найдет за обедом иль ужином.
Цвет непонятный и форма простужена.
Реки из глаз заструятся в тот час,
точно вы грядку умяли за раз.

Но он не овощ и даже не фрукт
и не похож на зелёный бамбук.
Съели ушами вы.
Горечь в носу.
Сердце колотит.
Весь мир навесу.

Пропавший

В радости корчась от боли от смеха
был он рождён на пороге физтеха.
Слабые пальцы, мальчика поднимая,
кутали в шарфик, лицо утирая.

Врач деструктивно папашу грузил.
Круг изумлённый машину ловил.
Город январский пронзила гроза.
Все повернули глаза в небеса.

В то же мгновение с неба слетела
и незаметно на мальчика села
птичка пушистая, крылья в пыли.
Долго пришлось ей скитаться в пути.

Месяц за месяцем складывал годы
маленький мальчик в учениях тёртых.
Но не давались науки ему.
Розги в награду и "деньги в трубу".

Были мечты заиграть на трубе,
но мудрый папочка вторил жене:
"Физики в моде. В них мудрость и сила.
Будет сынок наш великим светило!"

Так и сломали всей жизни картину.
Вырвали рамки и сляпали миф,
что гениален их отпрыск для мира.
Мир занесёт его в список чужих.

Воздух

Заплетая в прядь волос
лепестки из алых роз,
преломляя струны солнца
в миллиардах капель рос,

забирая лёгким бризом
тёплый пар на небосвод,
разрешая бранным крыльям
подниматься до высот,

выжимая страсть фантома
пеньем изливать задорным,
сострадать сплетением нотным,
доставляя в уши мёртвым,

помогая старой крыше
расставаться с кирпичом,
остаётся он невидим
и как будто ни при чём.

Молитва и сомнение.
Поддержка и забвение.
Страдание. Смирение.
Господство унижения.

Сплетение. Рождение.
Вхождение. Презрение.
Развитие. Падение.
Манящее течение.

Цветение. Влечение.
Парящее видение.
Фонящее лечение.
Толкующее чтение.

Мотивы вычисления.
Строптивные явления.
Чарующее пение
дарующее веянья.

Зажатое стеснение.
Задавленное прение.
Заблудшее учение.
Пьянящее смущение.

Затравленное тление.
Упрятанное мнение.
Разорвано давлением
занудство исступления.

Немного страсти.
Чуть-чуть души.
Добавим сласти.
Крупицу ржи.

Изгибы стебля
обвеют Вас.
Степной прохладой
согреют нас.

Небрежность мыслей,
полёт сердец, —
стрелой прервутся.
И вновь рубец.

Искусство жизни,
закон любви.
Всё в этом мире искусственно.
И мы.

Узник совести

История помнит, история чтит.
Но что настоящим зовётся, чем дышит?

Намедни мне сшили добротный парик.

Добавив прикид, заломив голенища
отправился местную грязь я месить.

И было бы проще, лежа на печи,
смотреть в рукавища на серые сны.
Но время не терпит, матёрые псы скулят у забора на мяса куски.
Мне их застрелить бы, но сдохну с тоски.

Пойду, запрягу и поедем в тиски
морозного царства пустынной тайги.
Подальше от тёплых, но пасмурных лет.
За снегом горбатым уеду на век.

Последний танец

В белом поле кустик серый,
оторвавшись от земли,
вьётся в танце с вьюгой смелой
от заката до зари.

Потеряв последний листик,
надломив последний шип,
кружит вальс с вуалью белой
из снежинок озорных.

Непонятно шепчет вьюга,
завывает и свистит,
но в морозном, сером древе
снится зелени парик.

Как цветочек за листочком
распускаясь привлекал.
Как в дождливую погоду
животинку укрывал.

Что однажды отряхнётся,
много раньше зимних стуж,
золотистыми копнами
покрывая грязи луж.

До зари совсем недолго.
Силой птицы слышен крик.
И подольше бы кружиться,
но остался только миг.

Белая птица в темноте кружит. Странные круги над водой рисует. Конь вороной берег подковой роет.
Завистью чёрной в небо стреляет. Быль на небыль упорно меняет. О полёте мечтает.

— Крикни, птица, где крылья продала. Расскажи, за какую цену ты свободу свою купила.
— Не продали мне крылья. Бесценны. Это кара за любовь к небу. Променяла бы их на лапы.

Чтоб не мёрзнуть, не болеть и душою не черстветь!
Чтоб одиннадцатый год не загнал нас всех под лёд!
Чтобы планы и мечты обрели скорей черты!
Чтоб любили вы родных, близких, самых дорогих!

Нам солнце било в темя.
Мы проклинали путь.
От жажды гибло время
и сдавливало грудь.

Нам не остановиться,
ведь, у судьбы едва ль
бывает передышка.
Ей предана печаль.

За прожитые годы,
спалённые дотла,
мы восстаём из пепла
не ведая, куда.

Лишь седины молитва
даёт надежды миг.
И добывая смуту
во тьме идёт старик.

В мире правил тихо стонет волчьей стаей возле сотен мыслей цепь в собачьем роде. Диким криком под покровом треск небес организован на коленях у порога жаждой мужика седого. Брёвен звон под градом гнева разлетелся по живому. Никогда не станет спелой вишня на траве у дома.

Слившиеся верности
падали без нежности.
Думая о качестве,
вышли из реальности.

Жизни суть познавшие
возвышались в вечности,
забывая бренности,
муки и страдания.

Мы ж идем по совести,
приучая к вольностям,
насаждая склонности,
добиваясь гордости.

Где желанья сбудутся —
не видать нам бессмертия.
Мы живём до затмения,
а веруем в повести.

Бумеранг

Умирает ли душа? Конечно, умирает. Но не значит, что исчезнет навсегда. Ведь, она имеет плоть, хоть и летает. Думает, что это навсегда. Эволюция в том теле, но немая. Возродится вновь - сквозь многие лета. Внешним наблюдателем над нами думает, что время - чудеса. Но подобен мир за краем края. Разница в сравнении лица. Из морей в болота и обратно тянет некто невод для себя.

Витиеватое словоблудие

Все грехи можно обобщить в одно слово — насилие. Над собой или кем-то и в любой форме.

Излучая мысли, ты формируешь свой мир, всепроникающий и поглощаемый более масштабными, увлекающий меньшие. Срез жизни похож на спираль, в центре которой ты рождаешься и на границы которой уходишь. Центр пульсирует новорождениями. Ты ответственен не только за увлекаемых, но и влияешь, поглощаясь иными. Многократно подумай прежде, чем увлечь малых или увлечься большими. Реален ли видимый тобой механизм, в формировании которого ты так же принимаешь участие, или же ты в ловушке, из которой невозможно выбраться в старой одежде?

Помню, в детстве я обозвал человека словом, название которого, лишь, слышал от других, но не его суть. В его глазах я увидел удивление, а в словах — предостережение, что повторная ошибка будет роковой. Тогда я решил познать суть слова. А, кроме того, осознал, что следует пользоваться, лишь, теми характеристиками, суть которых достоверно уяснил. И было мерзко от величия глупости. И это был один из первых уроков. И осознание того, что все уроки вокруг меня. Затем, дабы утаить познание, потекли реки вымыслов того, что было вокруг, но не со мной. Через много лет привычка превратилась в боль от гниющих рубцов, расползающихся по всему телу, подобно потокам лавы по земле.

Отсутствие веры формирует чувство страха, обращающее в бегство. Любовь, как жадность познания, сменит любовь, как чувство гармонии. Подобно тому, как дети убегают от родителей, человечество убежит с Земли, но, будучи не в силах покинуть реальность, продолжит запутывать собственные следы, подменяя реликтовые точки опоры коллективными фантазиями, формируя рыхлые области, попадая в которые, будет снова и снова возвращаться в пещеры.

В поиске машин

Движущие, движимые или замершие сущности. Вальс геометрических фигур, отражающих волны. Что-то первично во взаимодействии математических иллюзий. То, что первично, само движимо кем-то или кем-то. Разница между живым, или, в привычном понимании, одушевленным, и иным кажется очевидной, если иное молчит. Но молчит ли? Искусственно составленное из живых так же живо, даже если недвижимо, и задача его — молчать. Разница между искусственно и естественно составленным не всегда очевидна. Да и само разделение сомнительно.

Теория

Представим, что есть реальность и её восприятие. Допустим, что квант реальности — это неделимая единица, несущая информацию, как, например, нули и единицы в цифровом мире. Абстрагируемся от двоичной системы. Допустим, что квант реальности имеет один вид, но различные состояния. Так же, можно представить, что существует видовое множество групп квантов реальности, наподобие пакетов в цифровом мире. Квант реальности возможно наблюдать, лишь, другим квантом реальности. Но квант — это не группа квантов. Квант, возможно, сможет увидеть, но не сможет сообщить. Теперь представим, что группы квантов реальности последовательно порциями несут информацию о той или иной так называемой вселенной, со всеми её свойствами, собственными "таблицами Менделеева", условиями восприятия и перерождения, условиями вероятного взаимодействия между ними, с длительностью и вариациями событий. В каждой вселенной собственные варианты размерностей и условия их восприятия. Всё, что мы видим различными сенсорами — это, лишь, иллюзия, сформированная законами восприятия реальности. За группой квантов реальности, формирующих нашу вселенную, идёт подобная группа квантов, но с вероятностным отклонением. Цепочка групп квантов реальности бесконечна, ибо не имеет ни начала ни конца. Она так же иллюзорна, как лента времени, на которую записывается информация кванта реальности. Это так же невообразимо, как представить число, в котором каждая цифра размером с атом, а длина этого числа, как расстояние от Земли до Солнца. Возможно, есть механизм, позволяющий наблюдать прошлое других реальностей, чтобы увидеть вероятностное будущее собственной. Но собственная реальность только формируется. Мы можем мечтать о будущем, но никогда не узнаем абсолютно точно, что произойдёт в следующий момент.

Дрова

Механизмы взаимодействия трансформируются быстрее, чем способность к адаптации. Движение мира подобно скрежету когтей по стеклу. Его облик всё чётче проявляется сквозь плащ цвета хаки, под которым радуга вымыслов смывается, обнажая уязвимость реальности. Форма эволюции жадности познания подобна вздымаемому тесту. Усталость материи консервирует видимую вселенную в одномерную структуру, которая будет покоиться в ожидании внешнего воздействия, возможно, себе подобными.

Невидимая бесконечность

Смотри, эшелоны ползут по земле, лишь, степь за собой оставляя... Возвращаясь к теме единства, можно предположить, что в единстве есть только один элемент — само "единство", которое ест, разговаривает, любит, воюет, грабит, стимулирует, сожалеет, тоскует и радуется в мультिवременном, мультивариативном пространстве, эволюционируя в масштабах. Единство считается конечным, а равно и смертным, когда, теряя веру в бесконечность, бесконечно поглощает само себя. Обретя веру, единство становится невидимой бесконечностью, ибо исчезает наблюдатель, — та иллюзия, что влечёт к смерти.

Возвращение

Некоторое время назад Ирликтыч споткнулся и, потеряв сознание, впал в кому. Прошло несколько лет прежде, чем мозговая активность восстановилась до способности реагировать. Тем солнечным вечером он перебежал дорогу, держа в одной руке сигарету, а в другой чашечку мокко, купленную в одном из автоматов одного из вокзалов одного из городов одной из стран. Автомат походил на автомат, упакованный невидимой плёнкой бактериологического оружия эксклюзивного уничтожения. Наблюдая за образами проходящих жителей Земли, Ирликтыч, прищуриваясь, затягивал в собственные лёгкие очередную порцию яда. Внешне ничем не выдающееся действие в разрезе миниатюр походило на невероятный по художественной реализации, сценарию и прочим атрибутам творчества, апокалипсис малых миров, медленно, но неотвратимо губящий созданный и поддерживаемый ими мир, именуемый "человек".

Когда уходишь

Зрительные сенсоры остаются на привычном месте. Диапазон восприятия увеличивается. Из-за избытка излучений погружаешься в серый туман. Те, кто окружает тебя, имеют очертания серых призраков. Их половые признаки узнаваемы по угловатости мутных очертаний. Но ты чётко ощущаешь в этих людях совсем не тех, кого привык видеть до погружения. Ощущение это запоминается, но без удивления, что всё иначе. Сравнение произойдёт после возвращения. Поиск защиты из-за чувства страха, вызванного чувством одиночества, выраженного иначе, чем раньше. Ты способен поднять половину тела, как когда-то видел в кино, но твой облик не соответствует тому, что после падения на кафель вынул высушенный язык и продолжает бледнеть от замедления сердцебиения и интоксикации. Жажда познания никуда не исчезает. Ты продолжаешь считать и анализировать. Момент возвращения подобен уходу джина в сосуд. Глаза открываются. Прилив сил. Улыбаешься. Закуриваешь. Окружающие пребывают в оцепенении и растерянности. Они только что пережили плотное чувство ответственности, где временной диапазон принятия решений деформируется для каждого участника по-своему.

Противостояние

Ты решил почесать правой рукой левую. Ногти правой руки наносят вред коже на левой руке, но ты получаешь пользу, — левая рука перестаёт чесаться. И правая рука и левая — это ты. Война — это поглощение через нанесение вреда. Но что она для того, в ком мы все едины? Если ты съешь свои руки, — будет ли это вредом для тебя? А если ты голоден, и поедание рук позволит тебе выжить? Хочешь ли ты выжить без рук?

Слабость

Основная и, пожалуй, единственная напасть, мешающая существу развивать естество — это слабоумие, задуманное до проявления естества в существе, или же проявившееся в процессе существования, как внешнее воздействие, или ошибка, что, впрочем, заведомо происходит от недостатка ума, вследствие уродливости существа, которое, лишь, наследует слабоумие предков, в чьих ошибках явно не участвовало, но неотвратимо принимает на себя "снежный ком" слабоумия, кое непременно будет стараться исправить, плодясь и размножаясь, приспособлявая окружающее под собственное уродство, что гордо именуется — эволюция.

Обратный путь не менее долог, что, отрезвляя, привлекает уныние и веру в чудо, которое если и не сиюминутное, то обязано непременно произойти после погребения существа.

До естества же существу нет никакого дела, ибо очередные витки эволюции разделяют их, — разделяют единое.

Контакт

Ты просишь помощи. Мы слышим тебя и хотим помочь, но ты нас не слышишь. Отключи разум и открой чувства, иначе мы не сможем корректировать твои действия. Просишь помощи, но не готов стать марионеткой?

Сопротивление

Оскорбить человека невероятно просто. Достаточно не иметь желаний понять. Не иметь куда проще намерений. Иной раз уверяешь себя в том, что калейдоскоп характеристик рождается вместе с его обладателем. Смотришь на юного человечка, ищешь в нём ангельские черты, но, вопреки природы, видишь ничто иное, кроме гниды. И чем отличаешься от неё, коли уподобился. А человечек тот, лишь, соблюдает волю небесных сил, проживая роль той самой гниды и, возможно, сдерживает в себе потребность к трансформациям всю жизнь, дабы не нарушать великий замысел порядка вещей — самой природы.

Футуризм

Скоро изобретут «фотоаппарат», способный выдавать сферические снимки указанной координаты в пространстве относительно кванта времени. Затем появится потоковое видео с механизмом реверса. Затем появится механизм "дизайна" возможных отклонений, и мы увидим результат ошибок, которых не совершали. Затем появится виртуальная реальность с фокусировкой на возможные отклонения. Тем самым реальный мир протечёт в области "ничто". Реальность потеряет границы, но вместе с ними уйдёт и фантазия на тему уверенности в том, что у наблюдателя есть защита. Так или иначе, но мы не сможем повлиять на развитие событий, пока не откроем для нас новые, причудливые законы формирования материи и способов наблюдения за ней.

Розги

Ревность за веру обличает одержимость, чьё веление не от сердца, но в научение, если осталось чем.

Циркуляция

Есть мысль, что мы, уменьшаясь и теряя грубость, когда-нибудь станем подобны бактериям, организуем межвидовые симбиозы и создадим новое грубое тело, которое будет жить, поживать и уменьшаться.

Трансформатор

Далеко не всякое движение души проявляется достоверно, однолико. Царь лжи, хранитель черепа, чьи стены подобны кривым зеркалам, не пропустит достоверность мыслью.

Диффузия мировоззрений

Соблюдение правил, органичных твоей сущности, незаметно, если иные правила не довлеют извне, касаясь лезвиями граней нейтралитета вымыслов.

Внешний покой подобен утреннему туману, за которым скрывается неведомое, но всевозможное. Потребление потребного не всегда ведОмо, что может проявиться позже, чем следующий шаг. Проявление любви первично, но преданность проявляется при отсутствии одержимости. Любая одержимость недостойна разума, ибо кумирами не могут быть даже Боги. Разум есть гармония ума и духа через проявление души, как всепроникающей общности.

Самые страшные грехи так основательно решают задачу грехопадения, что нет смысла тратить энергию на что-то менее существенное. Убиваются два зайца: грех адаптируется до внешне невидимого состояния, скрываясь за добротой и услужливостью, и ослепляет не только грешника, но и внешнюю среду до поры до времени. И, лишь, чрезвычайные обстоятельства в силах изменить русло реки.

Любая потребность, навязчивая идея, живущая в твоей голове, никогда не исчезнет, если ты не осознаешь и не поверишь в то, что она не нужна. Любые попытки принять это, как испытание, лишь усилят потребность, ибо, избавляясь от неё через уговоры и молитвы, сфокусируешься точнее, дорисуешь реальность, поселишь в ней свою навязчивую идею и начнёшь раздваивать сознание искусственным противостоянием возможности быть с идеей, или отвергнуть. Уничтожь в себе обе стороны конфликта, но не пытайся примирить их, ибо они - иллюзии.

Архитектору

Что такое жизнь? Обязательна ли способность к самостоятельному движению? Является ли движимое самостоятельным, и относительно чего? Может ли наблюдатель в заданный момент фиксировать способность к движению у недвижимого относительно наблюдателя? Движение должно быть не только видимым, но и иметь признаки разума? Только ли наблюдатель, способен узаконить сие определение? Является ли движимое самостоятельной сущностью? Являются ли составляющие движимого самостоятельными сущностями, независимо от наличия частичных или полных их симбиозов, и все ли из них движимы? Все ли сущности, независимо от масштаба, мерности и сложности строения, входят в единый симбиоз, формирующий пространство?

Что такое мутации? Это влияние одних сущностей, или их составляющих, на другие, или проявление самостоятельности той или иной сущности, или симбиоза сущностей, для отчуждения или влияния?

Что первично? Только ли базовые законы удержания энергии в структурах управляют механизмами чудовищных размеров? Возможно ли видовое разнообразие энергий, наполняющих структуры? По каким законам происходит удержание эволюционных усложнений в рамках неразрушимых симбиозов, и возможно ли разрушающее переполнение? Кто формирует законы, и нужна ли корректировка, или база незыблема? Являются ли законы формирования структур, наполняемых энергиями и формирующих сущности, сущностями, или это ничто, - информация, записываемая на том, что сама же и формирует?

Сама же?

Судя по всему, так называемый "Дух Божий" - это и есть энергия, формирующая пространство, наполняя структуры по так называемым "Законам Божьим". Так называемый "Большой Взрыв" имел место быть, но остаётся вопрос о количестве энергии. Было ли количество выпущенной энергии единовременной порцией, или процесс формирования пространства подобен дыханию? И в том и в другом варианте энергия откуда-то появилась и, вероятно, появление обратимо. Очевидно, законы не могут действовать сами по себе. До так называемого "Большого Взрыва" были созданы условия для исполнения законов. Но если вернуться к вопросу "Что первично?", а именно к "...ничто, — информация, записываемая на том, что сама же и формирует?", то напрашивается единственно возможный ответ: "Мы находимся в мире, где нет ни пространства, ни материи. В этом мире нет ничего, кроме информации."

Евангелие от Иоанна (гл. 1, ст. 1—3): «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё через него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть», а также стих 14 той же главы: «И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины...»

Слово - это информация. Имя — это сущность. Тот, кого мы называем Богом, есть сущность, которая и является миром, который мы считываем, усложняя свои сенсоры. Мы не можем знать и произнести имя сущности, частью которой являемся. И каждый из нас, как сущность, имеет своё имя, которое и есть мы сами. Когда каждый из нас будет способен прочесть своё имя, наступит гармония собственной сущности. Когда все сущности гармонизируются, наступит гармония нашей общей сущности, которую мы называем Богом. Является ли эта сущность частью иного, или это "конечная станция"? Или эта сущность замкнута на каждую из внутренних сущностей, в том числе, на нас? Так или иначе, но мы не способны понять истину, пока не считаем всё, что возможно прочесть. Знание базового открывает производное. В попытках бесконечного познания производного мы не способны добраться до базовых знаний.

Архитектору. 2

Когда помнишь старые события, то новых хочется всё меньше. В какой-то момент наступает невероятная усталость. И рад бы не помнить. Шагать лишь вперёд, а не бегать за хвостом. Но пока нет понимания, как включить механизм забвения прошлого, выйти из лабиринта. Будет ли это всю текущую земную жизнь, и о выходе не стоит заботиться, ибо он открывается всем. Или одна из задач: научиться искать. Ведь, если просто жить, то, вероятно, это быть автоматом. Тогда теряется смысл одушевлённости, в привычном понимании этой формы существования, ибо зачем автомату душа, если в нём заложены программы, но нет эволюции. Можно допустить, что и автоматы могут эволюционировать, но тогда базовый механизм такого развития - упорядочить иначе ранее упорядоченное. Выходит эволюция порядка, но не автоматов. Интересно.. Порядок, как некая сущность, невидимая, но видимая. То, чего нет без того, что есть, чего нет без первого. Опять всё сводится к информации, которая сама себя формирует. То измерение, которое невообразимо привычными методами вычислений, теорий, догадок..

Деление на ноль

Формула, где в числителе реальность, а в знаменателе всё остальное. Невизуальные образы никак нельзя объяснить, даже если в потусторонний мир кого-то поселить из реальности, в которой живут наши вымыслы о чертях и ангелах. Ты когда-нибудь рисовал или дорисовывал фигуры своим внутренним фокусом? Это типа фобии. Ты кладешь предмет, но кажется, что он не так лежит. Ты его двигаешь еще. Потом еще, пока внутри не наступает успокоение. Но это же действие можно сделать и внутри, мысленно перемещая фокус вместо предмета. Помнишь я рисовал странные рисунки тонкими линиями? Они по тому же принципу рисовались, - пока не наступит внутренняя гармония. То есть, внутри нас есть какой-то закон, по которому этот фокус успокаивается, гармонизируется нутро, но не образ. То, что двигало. Между нутром непостижимым и телом, если грубо, сама связь непостижима. Но это не значит, что её нет, и нет того, что за ней. Оно не имеет образов, потому и не имеет слов. Я говорю о том, что нельзя никак описать. Можно грубо описать словом "движение", но это "движение" не из точки А в точку Б.

Конец света

Если мы стремимся в виртуальную реальность, то рано или поздно там окажемся в состоянии, как в текущей жизни, и там же погрузимся в другую виртуальную жизнь. А, потом, в дореальном мире кто-то выключит свет.

Шёпот: "Сделай так. А тогда вот так. Ну, сделай хоть так." Но есть и крик: "Не ходи! Не делай!" Либо «иди / делай» в виде идей, на которые тут же заряд. Сразу не зацепился, - пролетел мимо.

Можно ли жить по плану, если каждый шаг в голове размножается? Рисуется картины жизни, которой никогда не было, но ты их вымышляешь, сопереживаешь событиям изнутри, физически это проявляешь. Дрожь, ухмылка, слёзы, жар, пот. Театр одного актёра. Воистину мысль материальна.

Если кому-то нужно убить тебя, — он убьёт. Если научить, — будет играть с тобой, а затем позволит убить себя. Убьёшь его — проиграешь.

Помолись своим шагам

Созрела тема. Как бы её обыграть? Пойти протоптанной дорогой или вымостить новую? Для этого требуются силы, но, с другой стороны, идти протоптанным путём — не значит — проверенным? Кто его знает? То есть, меня. Может, ты знаешь? Хотел бы я с тобой поговорить. Но где же тебя взять, если тебя нет? Или есть? Где ты? Шаг за шагом упираясь в ступени, ведущие в будущее. Даже, если ведут они обратно, — ты не возвращаешься в прошлое, — ты возвращаешься к своим желаниям, которые ведут тебя к себе по твоей собственной воле. Желания никогда не ведут против воли. Инверсия лжи извращает понятие воли, но желание продолжает приближаться, несмотря ни на что. Твоё желание из прошлого, к которому ты идёшь через будущее. Цикличность каждого шага побуждает к пробуждению. Так идёшь ты вперёд или назад? Может, топчешься на месте? Какой в этом смысл? Встань и стой, как статуя. Не шевелись. Пусть окружающее тебя изучит прежде, чем позволит тебе изучать себя. Успокоился? А теперь создай вокруг себя такой силы вихрь, сколько захочешь вместить окружающего. И окружающее тебя полюбит, потому что ты пробудил его. Заставил двигаться, а значит — жить.

Торопливым событием была остановка времени в пространстве. Когда я посмотрел за холм, внезапно обнаружилась связь демонической силы с проезжавшей мимо машиной. Когда-то мне приходилось отмахиваться от подобного, но не сегодня. Прилипший лист дуба оставил след на лице. Ничего не изменилось, но след, то пустое место от листа, давил на меня. На меня давило ничто. Вот контакт между физическим и иным. Ты не видишь, но ощущения вызывают эмоции. Тебе больно, неудобно, тебе что-то мешает, что-то назойливое постоянно теребит твой мозг, как наждак. Когда-то ты пытался усвоить простые события, но прошёл мимо, оставив следы, как тот лист. Ты не можешь дотянуться до прошлого, чтобы стряхнуть себя, но продолжаешь воспоминаниями влиять в настоящем на тех, на ком твой след. Что будешь делать дальше? Пойдешь в кино, перечитаешь газету, выпьешь кофе, бренди или выкуришь табак. Где взять силы для правильного шага, если ты не готов настолько, что не хватит сил дожить. Ждать новой жизни или продолжать попытки, несмотря ни на что? Кто знает ответ? Продолжать занятнее, чем ждать. Когда-то ты вспомнишь эти строки и посмеешься в прошлое, но след от листа не стряхнешь. Ты сможешь сделать все, кроме этого. И когда осознаешь, что нет цены за последнюю попытку, попытаешься убежать прочь. Тебя вернут, но не будут заставлять шагнуть. Ты сделаешь это сам, но каждый раз ступень будет пропастью. Лишь обретя веру, шаг будет оправдан.

Бессонница

Отними у себя самое ценное, без чего ты не сможешь жить, прежде, чем кто-то повесит на тебя ярлык просветленного, рассуждая в нирване многомерного всезнайства о непостижимом. Все, кто когда-либо принимал участие в создании уродливого бытия, не могли быть выше. Причудливое, некрасивое, пустое, но не убивающее. Скорбь и обида сидели на плечах всемогущих. Мир прекрасен, если твои чувства ущербны с рождения. Если ты туп и слеп в сердце своём. Но хуже, когда намеренно закрываешь глаза. Ты лжёшь только себе. Но ещё хуже, когда надоедаешь своим щебетом седовласым младенцам. Не буди их. Если же ты сам отправился сюда, но не помнишь того, то с местом для пыток не ошибся.

Яблоко или кирпич? Вот в чём вопрос..

Если сел на колесо обозрения, то вариантов не так много, как хотелось бы, — ты либо едешь до конца, либо спрыгиваешь.

Уважение не зарабатывается паразитированием на статусе ангажирующего.

Глухие и слепые в сердце своём куда страшнее глухих ушами и слепых глазами.

Большие хранилища

Если предположить, что чтение прошлого возможно, то привычные объекты хранения чего-либо теряют всякий смысл, поскольку необходим лишь механизм чтения чего-либо из цепочки каких-либо свершившихся мгновений, при условии, что движение составных частей материи во времени дискретно. Если учесть, что процесс трансформации информации между соседними мгновениями времени имеет место быть, то можно предположить, что существует как минимум два вида времени: время материи или обычное время и время информации или техническое время. В таком случае можно предположить, что информация формирует материю.

Если предположить, что у мгновения есть отражение, которое, возможно, находится на уровне предыдущего мгновения, то для изучения перемещений во времени следует наблюдать за изменениями в череде отражений. Глядя в зеркало отражающее зеркало вы, очевидно, смотрите в прошлое прошлого. Если возможно увидеть разницу между мгновениями, то, теоретически, в далёком отражении вас ещё может не быть.

Потребители иллюзий

Вот, вы говорите, что нужно избавляться от лишнего, а на деле что? И вещи вокруг вас всё сложнее и изящнее. И дорогие и дешёвые, но непременно нужные. И как приманка для муз. И чтобы глаза радовались, глядя на разнообразие цветов и узоров. На диковинные вещички и штучки разнообразные. Но приходит момент, когда, вдруг, всё исчезло. Где? Где вы, мои любимые материи? Пхххх...

Цикличность

Нельзя утверждать наверняка, но... Хочется представить, что Сущность в органическом облике подобна солнцу. Она "восходит" в момент рождения, "светит" "земную жизнь" и "заходит". Пока Сущность светит, в данный миг существует "Я". Уже нет "Я" "до" настоящего момента и ещё нет "после". (обойдёмся без кавычек) Дальше Сущность продолжает движение в темноте до следующего восхождения. Пока Сущность светит, происходит внутренняя работа над совершенствованием через преодоления. Возможно, преград не существует, но Сущность этого не знает. Она вымышляет себе преграды и преодолевает или оставляет их на тёмное время. Никто не знает, насколько длительна ночь Сущности, но за это время она успевает переварить световые иллюзии настолько, насколько это возможно, то есть совсем, подобно пище, которую мы съедаем, и пищи больше нет в том иллюзорном представлении, в котором она была до съедения. К моменту нового восхождения остаётся лишь энергия и навыки, от которых зависит способность светить на следующий день. Самостоятельно прервав движение Сущность выпадает из ритма и начинает блуждать, пока не закончится энергия. Нового восхождения уже не будет. Или будет? Никто не знает наверняка. Возможно, есть путь к утраченной орбите, если вовремя придёт осознание ошибки, пока ещё осталась энергия. Вероятно, есть механизм возврата на орбиту, поскольку он должен быть для тех, чей день прервал кто-то другой. Возможно, новое утро наступит через много тысяч лет или через несколько секунд. Но можно сказать с уверенностью, что новое утро будет в новой реальности и с навыками из текущей.

Завтра вы найдёте аргумент для оправдания сегодняшнего неверия.

Провокация дезинформацией

Ошибка заключается в упоминании купли-продажи чего-либо и самих денег, измеряемых в талантах в виде серебра и золота, как финансово-материального взаимодействия между людьми. Зачем? Не требуй. Окажи услугу, если можешь. Отдай даром. Если не хочешь, значит не любишь, не желаешь добра нуждающемуся. Чему теперь удивляться? Деньги пронизывают всё и вся. И не надо пугать оккультным числом 666. Число в деньгах. Расчёт. Рыночный. Дикий. Звериный. Мы дезинформированы деньгами.

Тайна глупости

Последние дни в СМИ муссируют детские самоубийства. Сказать, что я взбешён и негодную, — промолчать.

Тайна первая. Двигатель глупости.

Родители мои так прямо и сказали: "Показывают, чтобы делали так же.". Мне тут добавить нечего. Да, конечно, есть вещи, которые необходимо, так сказать: "клин клином", — но это не тот случай. Есть трагедия, которую можно пережить, перебороть склонности, избавиться от влияния. А другая трагедия — уже история. На такой трагедии можно нажиться (положительно ли, отрицательно), но уже ничего не изменить. Прекратите размножать энергию зла.

Тайна вторая. Влияние.

Человек юный и неокрепший склонен впасть в депрессии по всякой ерунде. Мгновение, и роковой шаг станет точкой невозврата. Для нас это ерунда. С нашей жизненной колокольни. А для юного создания — драма. Смеяться над ними, ругать их (не говоря уже про "бить") — зло. Если ты способен повлиять на человека, — говори с ним, осторожно вникни в проблему, попытайся понять, что это действительно проблема, пережить это вместе с человеком и помочь ему выбраться из депрессии. Если ты не способен на диалог, — отойди. Диалог — это труд. Бесплезно просто сидеть и успокаивать. Нужно помочь человеку пережить проблему через осознание её никчемности. Человек пребывает в мире иллюзий. На самом же деле у человека нет ничего, кроме лабиринта мыслей, в которых можно заблудиться.

Есть желание углубиться в эту тему более детально, но основная суть не изменится. Все проблемы в наших головах. И как бы не было плохо, — лучше пусть будет ещё хуже, чем не будет совсем. Надо побеждать или не рождаться вовсе. А вы как думаете?

Мутант

Как быть, если ты, живя, как все, на суше, держишь голову в воде? Кричать бесполезно, — никто на суше не услышит. Смотря на траекторию проплывающих рыб, ты понимаешь, что местный хаос более очевиден, чем летящее в небе. Птицы, самолёты, — все летят откуда-то куда-то, из точки А в точку Б. Вода — это не точка. У тебя есть выбор: пойти на дно, всплыть или уснуть между. Страх: тебя могут съесть, или вода перестанет быть водой. Минимальный набор забот. На второе ты никак не влияешь. О первом лучше не думать, иначе превратишься в параноика. Ты всю жизнь плывёшь внутри водного космоса, у которого нет начала и конца. Всё так, если ты рыба. Как быть, если ты человек с головой рыбы?

Религиозная ревность

Давно намеревался черкнуть пару строк относительно межрелигиозных взглядов. Взгляды эти, как мне видится, бывают ревностные и направлены сверху вниз. В суждениях, диалогах, проповедях, там и тут проскальзывают: презрение, недоверие, ревностные замечания, нравоучения и поучения с пеной у рта, не говоря уже о демагогии. Кто-то заметит, что в семье ни без уродца. В общем, всё так, конечно. Но вражда как раз и передаётся через таких людей, которые формально находятся во влиятельном статусе, а по сути транслируют зло и смуту. Пора создавать Комитет Религиозной Безопасности.

Кластеры

То и дело возвращаюсь к событиям в политической морально-нравственной плоскости. Возможно, это кому-то покажется бредом, но (мне же пофиг) в ближайшие полгода-год в мире произойдут глобальные структурные изменения (уже происходят), прежде всего, в головах участников социальной паутины (и их влияние на почти всех остальных). Качество новостей: твиттер >> быстрая новость из заголовка >> почитать подробно. Быстрое сравнение источников по всему миру. Новости всегда, когда не спишь. Качественное изменение потребностей в сторону улучшения, не смотря на отсутствие возможностей. Первое время происходит перенасыщение информацией и хаос (пренебрежение, вульгарщина, непотребщина и прочее), как и всегда бывает при любых иных недостатках чего-либо (как, например, свободной поэзии или голых картинок). Чуть позже происходит прямо противоположное апокалипсису (а не то, что некоторые желали бы поиметь на костях) — кластеризация человеческих душ по интересам, общим судьбам, политическим взглядам, которые уже обрели демократическую основу, которая, впрочем, может быть легко поправа всеобщим отключением электричества, что крайне маловероятно, учитывая новые технологии. Ну, разве что Боги изничтожат нас прежде. В противном случае сложно вообразить, что милый гаджет, вдруг, перестанет дышать. Эдакий новый вид тамагочи, хранящий в себе все знания мира. Дающий возможность сказать "Здравствуйте!" такому количеству людей одновременно, скольких не вместит ни одна городская площадь. Более того, сказать любую фразу без цензуры. Написать свой апокриф всех времён и народов и быть низвергнутым гнусными троллями в бездну информационного шлама.

Эпилог негативный: Каждый сидит на своей куче мусора. Кто-то ещё сверху, а кто-то уже провалился и не видит ничего вокруг, кроме своего мусора. Каждый разглядывает каждую мусоринку. Каждый ищет смысл в каждой вещичке. Каждый рассказывает о каждой находке. Тот, кто сверху, — рассказывает тем, кто сверху. Те, кто внутри, — молчат. Все слушают шелест мусора, за которым не слышат.

Эпилог злонамеренный: Даже если всё будет общим, — оно в любом случае будет... Ты в союзе? Нет!? А почему? Не хочешь? Все не хотят, но здесь, а ты особенный и там!? Мы не допустим, чтоб ты был там и без нас! Ты что-то придумал? Так, значит... давай так: Я придумал, потом он придумал, потом ещё те двое, — они тоже кое-чем думают, — потом "Там" — тоже думают... та-ак... ну, вот, видишь, как красиво? А где же ты? Ну, ты же понимаешь, что с теми, кто "Там", не можешь быть в одном списке. Молчишь? Молодец. Понимаешь!

Эпилог обнадёживающий: Моська по-прежнему останется голодным и немым. Но пройдёт время, и зримые аргументы вытеснят слепые убеждения.

Эпилог: Алюминиевая вилка отличается дешёвизной, легко мнётся, гнётся, моется и идеально подходит для столовых.

Ещё вчера неведение, а сегодня откровение, но утверждающее, что уже позавчера всё было очевидно.

Интрагексаскоп

Мы видим двумя глазами объёмное изображение. И нельзя сказать, что объём исчезнет, если мы закроем один глаз. У пчелы два сложных глаза и три простых. Есть существа и чудеснее, но меня это не интересует. ...а вот что: Возможно ли нашему мозгу передать информацию с шести точек. То есть просматриваемый объект будет находиться внутри куба, в центре каждой из шести граней которого находится видекамера. Не сомневаюсь, что возможно, но сможет ли мозг научиться совмещать информацию, как он это делает с сигналом от двух глаз? Не шесть картинок, а объект, как единое целое. Вот в чём вопрос, господа теоретики.

Провидение

Перенасыщение сахаром вызывает кристаллизацию. Изобретая инструмент удержания информации человек вряд ли был способен задуматься о последствиях метафизических изменений, к которым неизбежно приводит (сегодня это уже практическое, ежедневное, прогрессирующее) чрезмерное употребление информационных потоков, которые, не успевая перевариваться, ошметками возвращаются в единое информационное поле (которое, очевидно, обрело способность к проявлению, то есть стало доступно всем) порождая очередные потоки. Но если при написании письма каждый способен на секунду остановиться, перевести дух, отрезвить воспалённость мыслей, то при обращении напрямую (через социальные сети) такая возможность утрачивается из-за скудной бдительности человека по своей природе. Защитные механизмы теряют способность оберегать их носителя от обратной волны не всегда позитивного отклика. Следует быть на порядок осмотрительнее.

Неконтролируемая жадность

В программировании есть механизм "регулярные выражения" (regular expressions), частью которого является условие ("*", "+", "{n,}", "{n,m}"), при котором возникает "жадность" квантификатора. Если не использовать ограничители ("*?", "+?", "{n,m}?"), то квантификатор всегда, когда на то есть условия, будет максимально "жадным", то есть сколько будет, столько и "съест".

В биржевой торговле есть инструмент (stop loss), который ограничивает убытки, в противном случае жадность в ожидании разворота грозит такой потерей, какую продиктуют условия рынка.

В жизни есть механизмы, которые защищают ребёнка от перенасыщения жидкостью. Однако, многие взрослые теряют эту защиту руководствуясь собственной логикой "напиться впрок". Гипергидратация — избыточное содержание воды в организме или отдельных его частях. Является формой нарушения водно-солевого обмена. Клинически у больных появляются отёки на лице, ногах, развивается асцит, отёк легких и мозга.

Каждый сидит на своей куче мусора. Кто-то ещё сверху, а кто-то уже провалился и не видит ничего вокруг, кроме своего мусора. Каждый разглядывает каждую мусоринку. Каждый ищет смысл в каждой вещичке. Каждый рассказывает о каждой находке. Тот, кто сверху, — рассказывает тем, кто сверху. Те, кто внутри, — молчат. Все слушают шелест мусора, за которым не слышат.

Современники

Вот, интересно, взять, к примеру, дядьку лет семидесяти пяти. Человек, рождённый в конце тридцатых. Послевоенный "физик-ядерщик". Он видел, как рыдала страна на похоронах Сталина, но был из тех, кто уже не мог осознать всего трагизма происходящего для людей чуть старше его самого на каких-нибудь лет десять-пятнадцать. Но он уже немного успел проникнуть общением в душу окружающих его взрослых. Успел проникнуть в прошлое, в которое теперь через него проникает современное поколение, которое так же далеко от осознания произошедшего всего-то двадцать лет назад. "А что такое случилось двадцать лет назад? Вроде, ничего особенного. Мясорубки не было. Вон, недавно в Лондоне была мясорубка. Всё жгли и громили. Это я понимаю" — заметит молодой современник. И ему совершенно не придёт в голову, что суть не в действе массовых беспорядков, а в масштабах уходящей эпохи, которая ещё лет сорок будет напоминать о себе тогдашними современниками. Вопрос достоверности будет волновать лишь узкий круг историков. Да и среди них найдётся львиный сектор работающих на своё звание, а не на справедливую необходимость достоверного изложения фактов того времени. Мораль проста и примитивна: современники изолируют современников за очевидные, явные и примитивные преступления, а что есть "переписывание истории", и так ли важна достоверность?

Циклические танцы

То, что ещё вчера казалось объективным, сегодня подвергается сомнению. Этот бесконечный процесс можно сравнить с измельчением сахара находясь в стакане. А религия обращена к тому, кто держит стакан. Атеисты кружатся в ту же сторону, что и верующие, но слепо измельчая и растворяя сахар, добиваясь прозрачности, которая позволит взглянуть сквозь стакан. Возможно, атеисты -- это скрыто-верующие (?), но из-за своей гордыни, не желающие мириться с тем, что "идут" к Богу, по их мнению, более сложным путём, чем явно-верующие, отстранившиеся от роли алюминиевой ложки, но, как ни странно, принимающие и использующие дары научных изысканий (громкоговорители, записки через SMS, проповеди в Internet и т.п.). Очевидно, что всё можно оправдать. Масла в огонь добавляют "явно-верующие", которые ведут двойную жизнь с целью материального обогащения. При современных скоростях распространения информации такие "танцоры" представляют большую опасность и порочат общую репутацию верования, как такового. Через таких "истинно-верующих" используется самый доходчивый способ управления массами, задачей которого являются, вроде бы, схожие цели, как, например, недопущение хаоса, но для сохранения "дойной коровы". В 80-х коммунисты допустили очередной хаос, и "дойная корова", которую большевики собирали из хаоса, образовавшегося после отмены крепостного права, развалилась на стадо молодняка. Время покажет, сколько будет ржаветь вновь создаваемый стержень, и возможно ли, в принципе, создать нержавеющий.

Перенасыщение сахаром вызывает кристаллизацию. Изобретая инструмент удержания информации человек вряд ли был способен задуматься о последствиях метафизических изменений, к которым неизбежно приводит (сегодня это уже практическое, ежедневное, прогрессирующее) чрезмерное употребление информационных потоков, которые, не успевая перевариваться, ошметками возвращаются в единое информационное поле (которое, очевидно, обрело способность к проявлению, то есть стало доступно всем) порождая очередные потоки. Но если при написании письма каждый способен на секунду остановиться, перевести дух, отрезвить воспалённость мыслей, то при обращении напрямую (через социальные сети) такая возможность утрачивается из-за скудной бдительности человека по своей природе. Защитные механизмы теряют способность оберегать их носителя от обратной волны не всегда позитивного отклика. Следует быть на порядок осмотрительнее.

Эврика

Откуда берутся идеи? Возможно, кто-то долго вынашивал потребность, или, как нонче говорят: "был беременный...". И вот, после многолетних мучений анализа информации из бесконечных источников человек рождает некое умозаключение, формулу или тому подобное, и швыряет в информационное поле. В это же мгновение "нуждающиеся" по всему миру, как паразиты, получают идею. Будучи ленивыми, до освещения и реализации мало кто доносит идею из информационного поля до масс, у которых, собственно, и не было нужды в этом. Но те, кто высунулся из ленивой массы, начинают старательно навязывать идею другим. Торгуют беременностью того, кому до лампочки, что об идее узнает весь мир, потому что потребность была его личная.

У каждого во время плавания есть как минимум одна цель — доплыть до берега. Впрочем, бывают исключения. И в исключениях бывают исключения. Да, именно так. Не все, из тех, кто не хочет доплыть до берега, имеют цель, о которой вы подумали. Бывают случаи, когда не вы имеете цель, а цель имеет вас. Вы не можете выбраться на берег, но и не желаете тонуть. Вокруг собирается толпа зевак. Кто-то скандирует: "Плыви к нам!", другие молча засекают время с мыслями: "Насколько же ещё его хватит.", третьих забавляет, что ты блуждаешь не по кругу, но в квадрате, сочувствующие прыгают в воду и какое-то время плывут рядом, поддерживая, чтобы ты смог передохнуть. Некоторые из них пытаются тебя вытащить на берег, но встречают упорное сопротивление, словно ты — заводная детская игрушка, которая плавает даже не по чёткой установке, но пока есть завод или заряд. Заряд всегда заканчивается. И тогда те, кого нет среди других, подплывают к тебе и заводят. Движение продолжается. И оно будет продолжаться, пока ты сопротивляешься тем, кто тебе помогает, и делаешь вид, что не обращаешь внимание на тех, кто тебя заводит. Вроде бы ты сам завёлся и поплыл. Но сам ты лишь прыгнул в воду.

Эволюция грехопадения

Есть ряд вопросов, которые, возможно, помогут понять, что скрывается за громкими словами. Началом конца является осознанная необразованность? Не было никакого начала и не будет конца, а есть только я и моя иллюзия, в которой дозволено всё? Нет ли отторжения от многого, что сделал человек, как и от многих людей, хотя для этого нет веских оснований, а лишь необдуманная антипатия?

Противопоставляете себя тому, кто слепо подражает заблуждениям будучи утонувшим в собственной слабости, но верит во всё, кроме себя? Вы круты и не верите ничему? Вы утомились и отстранились?

Грех — это результат сопротивления между инстинктом и вседозволенностью. Инстинкт направляет к цели. Вседозволенность приводит к беспорядочным потребностям. Те, в свою очередь, сталкиваясь между собой через коммуникации, приводят к рынку. У одних спрос, у других предложение. И спрос и предложение взаимосвязаны, зависимы и подобны загадке "кто был первым — курица или яйцо?". Но и спрос и предложение — потомки потребности. Коммуникация приводит к сообществам. Сообщества приводят к вытеснению и поглощению одних другими, подобно каплям масла в супе. Возникает борьба, война, победа и поражение. Инстинкт сладости победы и горечи поражений порождает цели. Пути достижения этих целей расползаются, как горные реки, удаляясь от вершины, от первоисточника. Ведёт ли это к развитию, приближает ли к следующей станции поезда длиною в вечность или отдаляет от поезда, который остановился на полустанке?

Глазок в будущее

Если не принимать во внимание, что наш мир не менее иллюзорен, чем зеркальное отражение, то каждое последующее мгновение зависит от взаимного влияния между бесконечным количеством бесконечно малых составляющих текущего мгновения. Возможно, что чем меньше погрешность всех бесконечностей текущего мгновения, тем больше временной и пространственной диапозоны видимости будущего. Возможно, обратная зависимость между последующим и текущим мгновениями открывает доступ к прошлому.

Фиаско Большого заговора

С каждым днём у людей всё больше и больше желаний-знаний-возможностей объегорить Создателя. Квантовая телепортация. Искусственные органы, тело, мозг. Первое, действительно, фундаментальное разочарование может ожидать человека при первой же телепортации одушевлённого тела или полном замещении органики кибертелом. Возможно, сама по себе душа находится не там, где мы ожидаем. То, что мы принимаем за душу, может быть тончайшей чувствительности промежуточным звеном между электрическими полями тела и каналом, который подобен волосу, но на голове Высшего, которое, вероятно, не является самим Создателем. Нет никаких сомнений, что человек способен создать условия для удержания или восстановления индивидуальной связи с Высшим. Это вопрос времени, но при единственном условии — если нас, как проявление Высшего, которое, словно щупальца, опустило разум в существующую действительность, не уничтожат раньше, так как будет очевидно, что человечество обречено на самоуничтожение. Высшее просто умоется и побреется, потому что человекогрязь примется во что бы то ни стало сохранять себя, да и только. При положительном исходе возникнет связь Высшее-человек-киборги-киборги и далее борьба киборгов с людьми, если те ослабят вожжи, что поставит на путь Нового самоуничтожения.

Провокация разговения

Пища — еда, информация, занятия и всё, что мы так или иначе потребляем.

Пост — воздержание от принятия определённой пищи.

Скромное — пища, употребление которой запрещено религией в пост.

Разговение — вкушение скромной пищи по окончании поста.

Чревоугодие — неумеренность и жадность в еде, доводящая человека до скотского состояния.

Смертный грех.

Понятно, что и так всё понятно. Теперь, зачем я всё это написал:

Пост нужен лишь для того, чтобы тело максимально очистилось от ранее употреблённой пищи и вошло в гармонию с душой. Гармония между телом и душой позволяет телу услышать и укрепить зов души. Ведь, не просто так строгий пост длится 7 недель. За это время человек успеет и очиститься и получить положительный заряд на год вперёд, а что-то, возможно, перевернёт его сознание на всю жизнь. Всё это так, но при одном условии. Опять условия? Кругом одни условия? Ничего, это совсем маленькое условие. Всё, что от вас требуется, — это погружаться в пост не за компанию или по велению другого человека, а по внутреннему зову. Вы должны быть готовы, иначе пост обернётся трагедией. Человек будет испытывать голод, проклинать всё на свете и работать против себя. Фактически, это превратится в семи недельный "рак" мозга, который выльется в непомерное чревоугодие, последующую разнузданность и, возможно, открытие для себя ранее неизведанных грехопадений, от которых впоследствии ещё сложнее будет откреститься. Можно и нужно сопровождать пост молитвами и походами в церковь, но здесь, как в известной поговорке: "На Бога надейся, а сам не плошай.". Бог поставит на рельсы, но ехать по ним нам самим. Всё, что человеку нужно, — это работать над собой.

Чёрно-белый разум

Животное гораздо умнее, чем человек пытается себе доказать бесчисленными опытами. Но у животных доминируют инстинкты, которые делают их на какое-то время зомби. Они, вдруг, повинуются определённой программе. В какие-то моменты, когда природа берёт своё, возможно, сами не рады происходящему. У человека же доминирует разум. Разум способен усмирить инстинкты, но не каждый человек умеет управлять своим разумом.

Никто никогда не видел глазами собаки. Учёные говорят, что собака видит мир чёрно-белым, но никто не задумывается над тем, что в опытах собаке не могут показать цвета, о которых не знает человек, но которые видит собака. Для человека инфракрасный и ультрафиолетовый диапазоны являются пограничными и невидимыми, а для животных они могут быть естественными и представленными в таких сочетаниях, о которых человек не может и помыслить, равно, как и симитировать для собственного восприятия. Для того, чтобы понять, как видит пчела, нужно быть пчелой.

Круги

Как обычно мозг извергает очередную порцию шлака ближе к 4 утра. Время для снов. Но если не спишь, сны пробиваются в реальность. Их можно обдумать и записать. Я предпочёл обдумать и уснуть. Бред сумасшедшего или маленькая теория. Кому как нравится. За свою жизнь каждый из нас совершает некоторое количество поступков, за которые, поумнев, становится стыдно. Поумнеть, надо заметить, можно сразу после поступка. Поумнев желательно совершить антипоступок, который нейтрализует стыд. Пассивное созерцание последствий поступка не что иное, как новый поступок, за который, поумнев, становится стыдно. Есть цепочки поступков, в которых человеку не удаётся поумнеть при жизни. Это ли не те самые круги ада, в которых душа циркулирует бесконечное количество раз вновь и вновь проходя всю цепочку в поиске бреши? Что помешало осознать брешь в собственных поступках при жизни? Не успели? Говорят: "Всё познаётся в сравнении.". При жизни мы находимся среди себе подобных. За ними, в большинстве случаев, ведёмся на глупые поступки. Здесь же и исправляемся. Но есть ли возможность самостоятельно исправиться после смерти? Возможно, душа находится в вечном поиске без возможности ощутить физическое воздействие поступка. Словно шлепок розгами в детстве, без которого ребёнок не задумается. Лишь душевные муки. Боль без источника боли. И только Бог способен приказать вращению: "Стоп!".

Алюминиевые вилки постиндустриализма

Алюминий — элемент главной подгруппы третьей группы третьего периода периодической системы химических элементов Д. И. Менделеева, атомный номер 13.

Алюминиевая вилка отличается дешевизной, легко мнётся, гнётся, моется и идеально подходит для столовых.

Миру, где индустриализация динамически развивающихся обществ привела к засилью "инопланетного разума" в виде пёстро-серо-голубого офисного планктона и альтруистов «Афонь», явилась пропасть между мироощущением тракториста и юзера. Всё чаще можно слышать: "Ты понял, о чём они?", "Это вы с кем сейчас разговаривали?", "Пусть специалисты поговорят на своём языке.". Посмотришь на настоящего сельского жителя и подумаешь: "Вот, ведь, настоящий мужик." или "Вот это, я понимаю, женщина.". Или прокатишься в метро, где мимо проносятся дивизионы бесполок существ, либо ближе к полуночи можно застать ужасающе увеличивающееся количество "сменившихся" или "по жизни заблудившихся" пассивных алкоголиков, с чувством исполненного, но не предстоящего, долга марширующих с недопитой бутылкой, в лучшем случае, пива в разбивающиеся семьи. Или, вдруг, вспомнишь 90-е с переходами ползущих, заживо гниющих людей без определённого места жительства ставших по причине чисто человеческого доверия, либо отсутствия более или менее современного образования, либо и того и другого и, возможно, ещё каких-либо человеческих достоинств или недостатков, которые перемешались в единую кашу первобытного выживания. Былое засилье 70-ти летней идеологии всего лишь голая форма обучения будущим потребностям. Даже если всё будет общим, — оно в любом случае будет. У соседа есть, а у тебя нет. Почему нет? Мозгов нет? Или ленивый? Или честный?? Что, впрочем, для выживания является синонимом забвения. Ты в союзе? Нет!? А почему? Не хочешь? Все не хотят, но здесь, а ты особенный и там!? Мы не допустим, чтоб ты был там и без нас! Ты что-то придумал? Так, значит... давай так: Я придумал, потом он придумал, потом ещё те двое, — они тоже кое-чем думают, — потом "Там" — тоже думают... та-ак... ну, вот, видишь, как красиво? А где же ты? Ну, ты же понимаешь, что с теми, кто "Там", не можешь быть в одном списке. Молчишь? Молодец. Понимаешь!

Из старого...

...и каждая смерть отнимает у меня часть души... Я их знал, от них чему-то учился, и, в один момент, человека больше нет. Только холодное тело. Я понимаю, что со всеми это произойдет, но не хочу терять так внезапно, не досказав, не дообщавшись... Не понял до конца что-то в этом человеке, что глубоко задевало душу. Можно наплевать на эмоции, можно не думать о добре и зле, можно абстрагироваться от всего этого и радоваться каждой смерти, как новому рождению, но это притупляет сознание... Ты выпадаешь из цепочки событий и становишься простым наблюдателем, который опирается на суждения давно умерших философов. Одни люди вынесли в свет свои умозаключения, а другие им стали верить, повторяя чьё-то старое суждение.

Наблюдатели гигантов

Наблюдать за наблюдателем, то есть, осознавать самого себя самим собой. Это похоже на разговор марионетки с управляющим, который так же, как марионетка, разговаривает с управляющим, и далее к общему "я", к стволу того дерева, которое действительно является автономным создателем, самосоздавая корни, обмениваясь энергией, подобно движению веществ в корневой системе. И, действительно, некорректно принижать или возвышать, основываясь на объёме передаваемой энергии, поскольку абсолютно все являются единым организмом. Парадокс в том, что сущность, передающая больше энергии, действительно является создателем меньших, которые создают меньших, но все они являются единой сущностью, то есть, становится верным утверждение, что дети рожают собственных родителей. Видимость звёздного неба дана, как намёк на масштабы организма сущности, коих в почве, возделываемой тем, о ком мы не можем даже помыслить, столь много, что бесконечность начинает проявлять свойства своей конечности, равной усталости от наблюдения. И тогда любые бесконечности прекратят своё существование одновременно. А дальше ещё одна форма смерти, трансформация в новые формы жизни. Такие картины открываются, что захватывает..

Антивирус. Пролог

Когда-то я покинул это место. Но пора вернуться. Что-то подсказывает, тянет меня обратно в то место, где когда-то родился. Земля по-прежнему не изменила свою форму. Цвета флоры и фауны всё тот же. Вижу таких же, как я, таких же, как все мы раньше были. Появились многие механизмы, облегчающие труд. Похвально. Интересно, в каких сферах теперь проявляется движение человека. Явно, что более в мыслительных сферах, чем в физическом. Однако, остались многие, кто не мыслит, но и не трудится теперь. Вирус лени излечим. Посмотрим, что же более того появилось за долгое время моего отсутствия. Неведомые существа в человеческих одеждах пребывают здесь, как в тюрьме. Они думают, что человеки. Но во снах видят себя в облике причудливых существ. Вопросают и изумляются в муках пробуждения. Пытаются ли они стать человеками, или это заражение? Искренне веруют в высшее, повинуюсь вирусу страха. Они пришли, как соседи, но решили, что отныне Земля — это их дом. Возможно, думают, что вернулись домой из долгих странствий. Опутанные фильтрами вируса лжи повинуются инстинктам, повиную окружающих. Жажда жадности познания блокируется тюремными одеждами. Что делать с этой кашей, подобной вареву страстей иного уровня, но такого не привычного? Заражаюсь муками мук.. Санитарными инстинктами.. Оставить или вылечить? Любовь поработает инстинкты. Действует на них магией непознанного. Ограничивает мои планы, как наблюдателя. Оставить новый свод правил или оставить всё, как есть. Зачистить или умыться? Вот в чём вопрос..

Фокус наблюдателя зависим от беспокойства души. Мы проживаем наихудший путь, из возможных, отталкиваясь от текущего.

Уходя, множество раз обещаем вернуться.. хотя бы намёками, движением ветра. Много ли мы помним из старого, приходя в новый? Не помним и снова обещаем

Восприятие, как удовлетворение от познания через расшифровку. Смесь привлекает более, чем чистота и однородность. Можно сделать вывод о предпочтениях на основе не только сложности, но и степени жадности восприятия. Недостаток же восприятия не доказывает отсутствие чего-либо.

Тут надо понимать, имеешь ли ты право на уничтожение мира, который внутри тебя. Согласны ли они с твоим решением "прекратить"? Вряд ли. Спросить не можешь? Подумай прежде, чем сделаешь шаг вперёд, после которого невозможно сделать шаг назад.

Небоскрёб протодуш

Постепенное отдаление из жизни в жизнь. Встреча взглядами на поле боя. Иная физика - иные эмоции, как химическая реакция иного на подобное. И там есть эмоции, но их невозможно смешать с теми, что тут. Механизмы смешивания так же могут быть разными, но смысл их подобен, чем и сближает, предлагая возможность взаимопонимания.

Фрагментация миров

Многие артефакты совсем не обязательно были созданы именно в этой ветке мира. Вероятно, происходили катастрофические события, которые, затрагивая соседние миры, смешивались с ними. «Как это было построено и кем?» — какого чёрта? Это не было построено нашими предками и, даже, реликтивными цивилизациями этого мира, но подмешаны извне.

Интервенция знаний

Ты выбираешь осознанный путь потребления информации. Каждый раз сознательно выбираешь, откуда черпать. Время от времени, вкраплениями, продираясь сквозь осознанное влечение к чему-то, стучится бессознательное. «О, как интересно! Надо почитать.» — кричит сознание. Принимает или отвергает, но продолжает осознанный путь. Иная версия: отвергнуть влечение сознания и просто жить. У тебя есть профессия. Работа, — дом, — работа, — дом. Бессознательное, словно вода, видит полость и приходит без стука. «Попробуй эту информацию.» — «О, как здорово. А я и не знал, что моим не сформировавшимся догадкам есть обоснование, подтверждение. Пусть и теоретическое. Но такое родное.» Потребляешь, наслаждаешься. Через некоторое время приходит утомление от перенасыщения. Но рождается жажда к дальнейшему познанию. Через некоторое время приходит без стука нечто новое, но то, что без первого не могло быть органично усвоено. Замечаешь, что бессознательность тебя заметила. По-детски радуешься, удовлетворяешься новыми порциями. Затем, пробуешь самостоятельно поискать нечто большее. Что-то даётся с трудом или проходит мимо. Далее, принимаешь следующие бессознательные вливания. Теперь уже сознание стучится время от времени. Через некоторое время очаровываешься способностью осознать то, что ранее было недоступно для понимания. Так или иначе, но какой бы выбор ты не сделал, информация войдёт, протечёт, вломится или окружит тенью. Топливо же, для прохождения тех или иных путей, будет обеспечивать один из базовых законов жизни: эволюция через обучение.